

КОГДА ОХОТНИК СТАНОВИТСЯ ЖЕРТВОЙ

ПАДЕНИЕ

АННА ГРЭМ

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+



Анна Грэм

**Падение 3. Когда охотник
становится жертвой**

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Грэм А.

Падение 3. Когда охотник становится жертвой / А. Грэм —
«ЛитРес: Самиздат», 2018

Нарковойна между двумя картелями грозит вырасти в огромный политический скандал — выяснилось, что в неё втянуты видные политики. Дочь одного из них — Сандра Маккормик — борется за свою свободу и жизнь. Братья Хантер вынуждены многим пожертвовать, чтобы выйти из этой войны и спасти своих любимых. Эйса Ривера и Оливер Данэм работают вместе. Вновь открывшиеся обстоятельства из прошлого Оливера заставляют Эйсу взглянуть на него иначе. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1. Дежавю	5
Глава 3. Право на ошибку	26
Глава 4. Момент истины	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Анна Грэм

Падение 3. Когда охотник становится жертвой

Глава 1. Дежавю

Это странное ощущение дежавю начинает порядком подбешивать. Оно никогда не сулило ничего хорошего, теперь же это чувство щедро отдаёт кислым привкусом вынужденной благодарности. Эйса просыпается от затхлой вони давно заброшенного помещения. К запаху пыли примешивается запах ржавого железа, мужского пота и почему-то крови, хотя Эйса цела, не считая зверской головной боли. Похоже её здорово приложило в аварии.

Она чувствует, что ни черта не выспалась, только хуже стало. Приподнимаясь на локте, Ривера брезгливо осматривается. Вытертый, продавленный диван, облезлые стены в плесени и потеках, пыльный цементный пол, железный верстак, старый ящик с инструментами и серебристый футляр, в котором Ривера видит перчатки, шприцы и ампулы. Несложно догадаться, что это за набор. Когда в комнатку через щель приоткрытой двери врывается сдавленный стон боли, Эйса убеждается, что не ошиблась.

Маячившая за дверью тень чутко реагирует на движение – в помещение входит молодой мужчина с бритыми висками. Он весь в цветастых татуировках, как чёртова клумба, и здоровенный, как обожравшийся стероидов бык на мясоферме.

– Она следующая? – спрашивает он кого-то за дверью. Странно, но мужчина смотрит на неё с каким-то сочувствием, будто он по принудилке её тут караулит и всё это дерьмо, происходящее за его спиной, ему особого удовольствия не доставляет.

Эйса невольно вжимается в диван, когда видит за дверью, в соседней клетушке с решетчатыми окнами под потолком Лару Кинг, привязанную к стулу. Её губы сшиты железными скобами, глаз заплыл, с рук, сцепленных за спиной, мерно капает кровь. У неё под стулом этой крови целая лужа. Ривера волком смотрит на мужика в цветастых розах. Ей не хочется на место Лары Кинг от слова совсем. Да и с какой стати, чёрт бы его побрал?

– Не-е-ет, она моя. – В фокусе её взгляда появляется Данэм. На нём рубашка с закатанными рукавами и резиновые перчатки, а в руках строительный степлер сплошь в бордовых, подсыхающих пятнах. На идеально-белую рубашку не посадил ни капли – аккуратный, чёртов мясник.

Эйса выдыхает и позволяет себе чуток расслабиться. Препарировать её никто не собирается, а этот цветастый, наверное, просто не в курсе. Рангом, видимо, не вышел.

– Расставь своих парней по периметру и свободен, – не глядя в его сторону, приказывает Данэм. – Коул? – Оливер резко поворачивается к нему, видя, что тот мешкает.

Опять этот обеспокоенный взгляд. Эйса ловит его на себе, а в ответ мысленно желает этому самому Коулу убраться поскорее. Пусть спасает кого-нибудь другого, она не дама в беде, а от чужого сочувствия у неё случается изжога, что бы за этим сочувствием не стояло. Эйса привыкла, что обычно всем друг на друга срать, а помощь всегда имеет цену. С Данэмом ей теперь за всю жизнь не расплатиться, для других она уже не кредитоспособна.

– Ага, – кивает Коул и исчезает в коридоре.

Тем лучше.

– Ты в норме? – бросает он из-за плеча, аккуратно поддевая пальцем упаковку со шприцем и ампулу.

– Бывало и лучше, – едко отвечает Ривера, усаживаясь на вонючем, замасленном диване в самую непринуждённую позу, хотя на деле ей хочется вскочить с него, пока клопы не облепили, и принять душ. Показывать Данэму свою растерянность и нервозность она не станет, он и так себя героем чувствует, можно не сомневаться. Облизывать ему пятки Эйса не собирается, даже если он и впрямь герой. Гораздо приятнее думать, что он с завидным постоянством вытаскивает её из дерьма, в которое сам однажды макнул от всей души. – Ты мне скажи, нельзя было как-то попроще всё организовать? У меня башка не железная.

– Прости, дорогая, я мог положить тебя рядом с Беккетом, чтобы ты перестала, наконец, путаться у меня под ногами, но, как видишь, я этого делать не стал, – невозмутимо отвечает он, снося пальцем стеклянный наконечник.

– Нахрен ты кокнул федерала?

– Конечно же, потому что он тебе угрожал, дорогая.

Бессовестное вранье, хорошо приправленное издёвкой, Эйса внутренне напрягается, подбирается, готовясь к ответному выпад. Хочется эти блядские шуточки пресечь на корню и плевать что не в её положении выпендриваться.

– Не слышу благодарностей, – он улыбается, надавливая на поршень шприца. Тоненькая струйка препарата взмывает в воздух, описывая над его головой дугу. Очень двусмысленно.

– Иди нахуй, – цедит сквозь зубы Ривера.

– Ну, вот так всегда. Умоляешь, кланчишь, подставляешь зад, а потом – иди нахуй. – Данэм занимает собой всё пространство комнаты – он тяжёлый, липкий, как запах крови, которым тянет из-за приоткрытой двери в пыточную. От его ядовитой улыбки у Эйсы темнеет в глазах – снова хочется взять и двинуть по этой ухмыляющейся роже. Хуже уже не будет. Ривера не помнит, в какой момент перестала его бояться. Наверное, после той случки в машине она почувствовала какое-то подобие власти над ним. Чем чёрт не шутит, может правда? Иначе она не была бы здесь.

– Иди нахуй ещё раз, – огрызается она в ответ своим мыслям. Данэм скользит взглядом по её острым, голым коленям, подбитым ссадинами и молча возвращается к Кинг. Дверь остаётся открытой.

– А потом всё пошло не по плану и Беккет вывел вас на ваш же товар? – Эйса слышит, как он продолжает прерванный вопрос. Она неспешно поднимается с дивана, чтобы скрипом старых пружин не перебить звук его голоса. Ривера жадно вникает в каждое слово. Ей хочется знать всё. – Назови мне имя и я облегчу твою боль, Лара? Или Луиза? Как тебе больше нравится?

Агент Лара Кинг, эта крутая баба с кулаками начинает часто дышать, когда Оливер выпрямляется и медленно заходит ей за спину. Эйса чувствует себя отмищенной, когда видит её красные от боли глаза. Лара Кинг смотрит на неё с ненавистью, с изумлением тому, что Ривера её обыграла при минимальных на то шансах. Как же мало ей было нужно, чтобы сломаться – пара вырванных ногтей и один откушенный секатором палец. Ривера чувствует моральное удовлетворение, когда видит ужас в её глазах. Ужас от ожидания новой порции боли. Эйса самодовольно улыбается ей в ответ. Выкуси, сука.

Она не видит, что Оливер делает за спинкой её стула. Глухой щелчок, озверевшие от боли глаза Кинг и частая капель, звонко бьющаяся о полиэтиленовую подстилку особого простора для фантазии не дают. Обыкновенный строительный степлер в руках Оливера Данэма превращается в орудие изощренного искусства пыток.

– Если передумаешь, скажи. Хотя вряд ли ты сможешь говорить с этим, – выпрямившись, он проводит пальцами по неровному ряду из пяти скоб соединяющих губы Лары Кинг в одну тонкую кровавую линию. – И не смотри на меня так, иначе сошью тебе веки.

Грубым движением он наклоняет ей голову в сторону и забивает ей в шею короткую иглу.

– Это чтобы ты раньше времени не откинулась от заражения, – он бросает пустой шприц в мусорное ведро, обернутое голубым пакетом с коричневыми пятнами по ободку, хлопает её на прощание по щеке, словно собаку, снимает перчатки, отправляя их следом за шприцем. На лице Кинг остаются алые отпечатки её же собственной крови. – Не сучай.

Он выходит из комнатки, закрывает чемоданчик и щёлкает замком, берёт со стола ключ от машины и телефон, не обращая внимания на Риверу, стоящую у него за спиной.

– Ты слил федералам наркоту? Зачем? – цепляясь за ускользающий от неё смысл разговора, спрашивает она.

– Ты лучше спроси, наша она или нет.

– Зачем тебе эта баба?

– Так много вопросов, – лениво тянет Данэм, разворачиваясь к ней лицом. Он устойчив на широко расставленных ногах в то время как Ривера, словно голая ветка на ветру, в положении беззащитном и крайне невыгодном. Обладание информацией понижает шансы остаться не у дел, вот только Эйса мечется между её крупницами и не знает, с какой стороны зайти. Она чувствует себя бесполезным куском дерьма на чужой милости и это чувство совсем не нравится ей.

– Рассказывай, – Ривера бесстрашно перекрывает ему путь. Маленькое препятствие, хлипкая, фанерная створка против тарана из твёрдых, тренированных мышц. Либи́до не подскакивает, страха нет, ощущение опасности не заставляет её прикрыть рот, как то бывало раньше. Эйса не чувствует сейчас ничего, кроме запаха крови вперемишку с древесными нотками его одеколона – в голове мутно после удара о стойку, а желчь ползает по пищеводу от горла до пустого желудка. Хреноее некуда.

– Поехали, жрать охота, – он берёт её за плечо, разворачивает спиной и лёгким шлепком по заднице задаёт направление прямо по коридору. – Ты мексиканскую кухню уважаешь?

– Итальянскую предпочитаю, – фыркает она в ответ через плечо. Подкисших фахитос и тухлых буррито из помойки она наелась до блевоты в родном Синалоа. Пока есть выбор, она всегда выбирает лучшее. А жрать действительно хочется.

– Годится.

Пока они спускаются вниз по железным ступеням из решетчатого полотна, Данэм звонит в ресторан и делает заказ. Три бутылки неплохого красного вина в конце длинного списка блюд заставляют Риверу улыбнуться в предвкушении – разогнать кровь хорошей порцией алкоголя кажется весьма неплохой идеей. Голова станет яснее. Он называет адрес доставки, Эйса этого адреса не знает.

Когда они выходят на улицу, Данэм открывает ей дверцу старого «Фольксвагена» – видимо, свой шикарный «Мерседес» он решил не светить. Когда они молча выезжают за ржавые ворота с табличкой «Частная территория» Эйса оглядывается назад, пытаясь вычислить, где они только что были. Здание, где осталась подыхающая от боли Лара Кинг, похоже на заброшенный завод. «Авиамоторы Кеннет-Брауна» – очертания здоровенных отвалившихся букв на фасаде становятся видны лишь когда они отъезжают на четверть мили.

Они едут не больше десяти минут. Малоэтажка из красного кирпича находится рядом с железной дорогой, в паре кварталов от завода. Стратегически верно – не слишком далеко и не слишком близко на случай, если придётся уходить.

– Любишь ты клоповники, – Эйса входит следом за Оливером в квартиру и брезгливо озирается. Номер дешёвого мотеля, в котором они были с ним в Вегасе, кажется ей в разы лучше.

Квартира после пожара, на стенах копоть, лопнувшее окно в кухне наглухо забито сизой от плесени фанерой. Обеденный стол и мягкая мебель кажутся вполне новыми, наверное, кто-то пожертвовал погорельцам. С желтого, местами подкопченного потолка свисает пыльная, обсиженная мухами лампочка на длинном проводе – она покачивается прямо у её лица, паркет

раздулся от воды и рассыпался в щепку, плотная полиэтиленовая плёнка изображает дверь в туалет.

– Ты ещё на голой земле не спала, – хмыкает Оливер, наверняка припоминая своё армейское прошлое. Эйса многозначительно хмыкает в ответ.

– Откуда ты знаешь?

Она спала на камнях, нагретых солнцем за день и воровала корм из коровников до тех пор, пока Энрике не вывез их в город и не помог остальным братьям пристроиться в картель. Мать зарабатывала, как могла: спала с мужчинами за деньги, пока её красота и молодость ещё котировались, меняла мужей, чтобы те кормили её детей, попутно делая ещё детей. О предохранении в их деревне никто не слышал. Эйса не знала, что после третьего ребёнка Мария желала каждому следующему сдохнуть, ей рассказала об этом Лупе. Но они оказались слишком живучими, кто ж виноват?

Данэм смотрит на неё пристально, изучающе. Он ничего не говорит ей на это, но в его глазах Ривера видит понимание.

– Лара Кинг, она же Луиза Мария – ещё хренова туча имён – Ортега Диаз работает на твоего бывшего босса, а Франко, как ты помнишь, начал борзеть и продолжает это делать – значит, за ним кто-то стоит, – он расстегивает пуговицы рубашки, бегло перебирая пальцами по кромке ткани, стаскивает её с плеч, комкает, метко бросая её в угол дивана. – Эта сделка прошла мимо нас. Я позвонил своим людям в АБН и те закинули удочку Беккету. Ну, а звонок тебе стал эдаким финальным штрихом. И я немного подыграл тебе, чтобы твоя якобы полезность не пошла прахом, иначе, сидеть бы тебе, дорогая, в мексиканской тюрьме. Я слышал, условия там так себе, – он улыбается, на лице у него выражение хитрожопого благодетеля. В совокупности с идеально скроенным телом это похоже на вызов. Но Ривера его не принимает, оставаясь стоически невозмутимой. Да и что она может? Затрахать его до смерти? – Я слил партию, чтобы посмотреть, у кого гореть начнёт. Беккет тупой до мозга костей законник, он не при делах, а эта дамочка, как я предполагаю, не последнее звено в цепи.

– Человека хотят подсадить?

– Хотят, – Данэм открывает свою незаменимую дорожную сумку, достаёт чистую рубашку, идёт в сторону ванной. – Беккет плотно сел ему на хвост. Ублюдок не побоялся подкинуть в «Таити» наркоту, чтобы задержать его хотя бы за это. Но босс успел уйти.

Зашумела вода. Эйса останавливается в коридоре, переваривая сказанное. Плёнка вообще ничего не скрывает – полосы воды скользят по его телу, собирая тёмную дорожку волос от пупка и ниже в извилистую змейку. Его вялый член в облаке пара выглядит ярким светлым пятном. Эйса вдруг отчётливо вспоминает ощущение его внутри, от этого по спине пробегает лёгкая дрожь и жар.

В дверь звонят. На пороге стоит кудрявый пацан с лицом сплошь в ямах от акне. На нём бейсболка с логотипом «Солерно Траттория».

– Прими заказ. Наличку возьми в чемодане, – кричит ей Данэм из душа.

Эйса просит парня подождать минуту. Она склоняется над распахнутой сумкой, с азартом проверяет каждый карман. Два паспорта, чеки, талон на парковку, свернутые тугими рулетами боксеры, носки, три белые рубашки, джинсы, ноутбук в чехле. В отделении поменьше – флакон «Хьюго Босс», спиртовой гель для рук, пачка презервативов и антисептик на случай, если резина не выдержит нагрузок. Эйса усмехается. Продуманный, зараза. В нижнем отделении две обоймы для пистолета, лежащего на кухонном столе, в маленьком кармане под замком – золотое кольцо и два армейских жетона.

«О. Данэм» «М. Холт»

«М. Холт». Ривера задумчиво вертит в руках. Дохрена сентиментально носить с собой жетон своего босса. Если это, конечно, его жетон. А ещё кольцо...

– Ты заблудилась? – Данэм, в полотенце, обернутом вокруг пояса, заходит в комнату. Парнишка с коробками мнется на пороге, явно желая поскорее получить деньги и убраться из этого неприглядного дома. Одним чётким отработанным движением уличной воровки Эйса прячет жетон между пальцев, прикрывает цепочку ладонью, передаёт Данэму бумажник, а после аккуратно бросает жетон обратно в родное отделение. Он ничего не заметил, иначе вряд ли бы промолчал.

Салат, цыпленок, ризотто, нарезка из сыров и ветчины, овощи на гриле, джелато на десерт, вино и бутылочка лемончелло в качестве комплимента от ресторана – услужливый доставщик с резиновой улыбкой складывает весёлые цветные коробки на комод в прихожей. Эйса берёт бутылку вина и открывает его ржавым штопором, найденным на дне кухонного ящика. Она прикладывает к ней прямо из горла. Чистота местных стаканов вызывает у неё сомнения.

– Что, даже свечей не зажжём? – глумится Данэм, видя, как Ривера на ходу цепляет два ломтика сыра с плесенью и закидывает в себя следом за большим глотком вина.

– Здесь уже однажды зажгли, похоже. Ну их к чёрту, – она многозначительно обводит взглядом подкопченный потолок, игнорируя очередной данэмовский подъёб.

– И то верно, – Данэм плюхается на табурет и вгрызается в ножку цыпленка.

Эйса не понимает, что именно не даёт ей покоя: переделка сфер влияния где-то на недосяжимом для неё верху, её собственные перспективы или тот жетон в чемодане. Она подходит к окну, вглядывается в мутные сумерки через щель в фанере, пытаясь сообразить, с какого боку зайти. Алкоголь пьётся, как вода, легко и приятно, ненавязчиво растворяется в крови, развязывает язык и, как ни странно, убавляет головную боль и собирает мысли в кучу. Налицо первые признаки алкоголизма – без бутылки хреново думается, но это волнует Риверу в последнюю очередь.

– И что потом? Ты узнаешь имя, и что потом?

– Всё то же.

Эйса резко оборачивается к Оливеру, видя, как тот невозмутимо облизывает жирные после цыпленка пальцы. Он приехал сюда убивать. Убивать того, кто посмел встать на пути Человека. Одним трупом Беккета и перспективой трупа Кинг дело не ограничится. Ривера не понаслышке знает, как далеко он готов зайти.

– А если он не один? Если он тебе не по зубам, что тогда?

Закон противодействия никто не отменял, особенно учитывая то, как крепко взялись за Холта федералы. Правительство США не рядовой мексиканский наркокартель, его не напугать парой заказных убийств. Эйсе до дрожи в руках хочется знать, что будет, если всё рухнет. Если эта пищевая цепочка с Человеком во главе перестанет существовать. И что будет делать Данэм, если это случится.

– Что ты хочешь?

Оливер оставляет коробку и смотрит на неё взглядом, не сулящим ничего хорошего. Но Эйса, как скоростной состав, летящий с горы с отказавшими тормозами, уже не может остановиться.

– Хочу знать, что у вас с ним? Что у вас с Человеком? – она со скрипом отодвигает стул и садится напротив. Найденный жетон не даёт ей покоя, и пусть Данэм от этих вопросов явно теряет аппетит. Она глядит на него в ответ нагло, с вызовом, как дворовая кошка, которую пригрили по зиме и которая теперь считает себя полноправной хозяйкой квартиры. Ей нечего терять, кроме гордости. Да и её уже почти нет.

– Переживаешь, кто будет спасать твой зад, если план не сработает? – Оливер чётко считывает её волнение, облекает в слова причины, по которым она вообще завела этот разговор и которые сама никак не могла обозначить. Славный у них тандем, ничего не сказать, вот только обстоятельства, при которых он сложился, дерьмовее некуда.

– Я не верю, что ты с ним, потому что он вытащил тебя из-под трибунала. Тебе всё это нахер не надо. Ты бы жрал, пил, курил, трахал шлюх, а после героически захлебнулся бы собственной блевотиной где-нибудь под мостом.

– Не будет его, не будет меня. Всё просто, – Данэм пожимает плечами, со стоическим спокойствием выдавая очередную отмазку. Но что-то ей подсказывает – дрогнувший мускул на лице или на мгновение помрачневший взгляд – что в ней есть доля правды.

– Слишком даже, – фыркает Ривера, подтаскивая к себе одну из коробок. Не прерывая с Данэмом зрительного контакта, она втыкает в вилку в салат, словно в сердце закланному врагу.

– Милая, ты не сможешь продать эти сведения. Они ничего не стоят. Займи лучше свою голову чем-нибудь другим, – выдаёт Оливер, заставляя Риверу подавиться воздухом от возмущения.

– Не думай, что знаешь меня хорошо.

– Ты тоже.

Данэм встаёт из-за стола, отнимает у неё бутылку и делает несколько больших глотков. Вина остаётся меньше половины, Эйса смотрит в сторону второй, нераспечатанной, понимая, что одной сегодня ограничиться не выйдет. Их чудовищно сложные взаимоотношения напоминают сделку, в которой стороны никак не могут сойтись в цене, и Эйса впервые не может предложить свою ставку. Она утыкается в салат, решив, что проигранный раунд аппетиту не помеха.

Данэм берёт ключи и мобильник, явно намереваясь покинуть квартиру.

– Попытаешься уйти, сама знаешь, что с тобой будет, – предупреждает он, и Ривера разворачивается к нему всем корпусом, зло бросая вилку на стол.

– Тебе в кайф, что я от тебя завишу, да?!

– Мне забавно, как ты пытаешься всеми силами доказать, что это не так, – с едкой улыбкой он закрывает за собой дверь. Ривера насилует штопором бутылку до тех пор, пока пробка не превращается в крошево.

То, что происходит между ними, похоже на безумие.

Утро лениво наползает на город, солнце проникает сквозь задернутые шторы, погружая спальню в мягкий, рассеянный полумрак. Ветер приносит с океана запах соли, а с улиц – асфальтовую пыль и жар разгорающегося дня. Лень дотянуться до пульта и лень надавить на кнопку, чтобы включить кондиционер, несмотря на то, что по спине уже течёт пот. Кайлу не хочется возвращаться в реальность ради мелких бытовых вопросов, ему хочется провести в этом безумии как можно больше времени.

Кали жарко, но она словно расплавилась, растеклась по промокшей простыне и по подушке, не в силах пошевелиться. Она давно потеряла счёт времени. Уже забыла, каково это вообще, когда колени сомкнуты, а ноги сведены вместе. Как это ходить без опоры на чью-то руку и как это вообще ходить, а не лежать. Безумие давно выбило её из реальности, Рейес не представляет, как будет вытаскивать себя на улицу – она ощущает себя одичавшей, словно год прожила в лесу.

Не вынимая из неё пальцев, Кайл отвлекается, чтобы коснуться губами внутренней стороны её бедра. Кали там самая чувствительная – от одного невесомого поцелуя она ахает и вздрагивает, от следующего смеётся, пытаясь вырваться, потому что щекотно. Его горячий язык возвращается обратно, раздвигает налитые кровью складочки, начинает двигаться быстрее, настойчивее. Кали чувствует, что у неё шумит в голове и сохнет в горле, до разрядки остаётся пара ударов сердца. Тело рефлекторно вздрагивает, рот кривится в беззвучном крике – у неё, кажется, начинает пропадать голос. Колени сгибаются, поджимаются к груди, тело гнется

дугой и мечется по постели, Кали едва сдерживает себя, чтобы не отпихнуть Кайла ногой – организм инстинктивно защищается от слишком сильных ощущений.

Его пальцы липкие, а губы сладковатые от её смазки – когда он возвращается к ней, Кали целовывает с них свой вкус.

– У меня такого не было никогда, чтобы пару минут... – и чтобы так часто и так бурно. На остаток фразы Кали не хватает дыхания, слова срываются на бессвязный шёпот. – Ты мне снишься, тебя не существует.

– Кали... – он словно забывает что хотел сказать. В голове абсолютная пустота, редкие вспышки сознания заполняются её дыханием, ощущение горячего, мокрого тела под его телом, её ладонями, ласкающими его лицо, её голосом, произносящим его имя так, что можно сойти с ума.

Расставив колени по обеим сторонам её головы, Кайл имеет её в рот так глубоко, как она позволяет. Её беззащитность вместе со взглядом грязной, пресытившейся девки сводят с ума, раззадоривают ещё сильнее, как и то, что Кали такая для него одного. Он кончает ей на шею, на лицо, на приоткрытые губы, стараясь не попадать на веки, иначе зальет глаза, они покраснеют, как после хорошего удара. Вряд ли Кали это понравится. Хотя какое там старается, соображалка ни черта не работает.

– Кали, ты нечто. Просто нечто.

Она смешно фыркает, стирая вязкие капли со своего лица прямо ладонью, улыбается, говоря, что эта штука вроде как омолаживает кожу. Кайл улыбается тоже, хватая забытое на столике кухонное полотенце, чтобы помочь ей.

– Когда тебе на работу? – Кали обнимает его, кладёт голову ему на плечо. В этом её движении ощущается необъяснимая грусть. Реальность неумолимо надвигается, обязательства напоминают о себе, мир вокруг никуда не девается, как бы ей того ни хотелось. Придётся расстаться, пусть даже на время его смены.

– Завтра. К шести утра.

Кали обнимает его крепче. Кайл, прикрыв глаза, выдыхает аромат её волос, гладит по спине. Опустошенность, умиротворение и лёгкая грусть от того, что безумие отступает – Кайлу хочется отмотать время назад, чтобы пережить его снова или наоборот, погнать вперёд, чтобы узнать, что будет дальше.

– Хорошо, – она чмокает его в губы, поднявшись на вытянутых руках. – Надо бы в прачечную бельё закинуть.

Это верно. Если простынь хорошенько просушить, её можно будет ставить, облокотив о стену, как кусок фанеры.

Кали встаёт с постели, лениво протягивается, вставая на носочки. Её тёмные волосы сильно кудрявятся от влаги. Когда она поднимает над головой руки, её округлая, упругая грудь становится ещё привлекательнее. Немыслимо красивая девчонка.

– Мне нужно в бар заглянуть, – заметив, как посерьёзнел его взгляд добавляет. – Я знаю, тебе это не очень нравится, но сам понимаешь, – она пожимает плечами, надеясь, что объяснять не придётся. Лезть в бутылку и доказывать свою независимость смысла не имеет никакого, Кали просто не хочет, чтобы он вваливал её проблемы на себя. – Что делать с ключами?

– Оставь себе. Я вторые у брата возьму.

Неплохо бы забрать ещё одни у Риты. Ей-то они точно уже не нужны, да вот пересекаться с ней ради такой мелочи совсем не хочется. Он давно отпустил её с миром, теперь здесь живёт Кали. В его квартире и в его сердце.

– Спасибо за то, что помогаешь мне. Я ценю это. Очень, – говорит Кали начистоту, словно чистосердечное признание делает, которое, как известно, облегчает вину. А она чувствует вину. Стоило сказать это раньше, а не изображать из себя каменную стерву, которой она вовсе не была. Но всё случилось, как случилось, и хорошо, что именно так.

– Я знаю, – отзывается Кайл. Такое бывает, когда видишь человека впервые и сразу же понимаешь, что он твой. Наверное, в тот день, когда он впервые увидел её, произошло именно это. Наверное, будь это не так, он забрал бы Суареса и никогда больше не вернулся в её бар.

– Ты яичницу с беконом любишь? У меня здорово получается. – По пути в душ Кали заглядывает на кухню. – Кстати, не помнишь, куда я пучок зелени сунула? Мне кажется, в машине остался.

– Кали. Выходи за меня. – Вырывается изо рта само, как результат сентиментальных размышлений, которыми до отказа заполнился размягченный после секса мозг. Кайлу вдруг начинает казаться, что всё это уже было с ним, что Кали всегда была здесь, что они знакомы всю жизнь. Он хотел бы чтобы Кали родила ему детей. Он любил бы их больше жизни.

– Ты спятил? – с кухни доносится удивлённый голос. Кайл готов согласиться с этим утверждением. Пусть это глупо, не вовремя и не в их положении. Кайл уверен, что никогда ничего правильного в жизни не говорил.

Трель телефона обрывает затянувшееся молчание. На экране высвечивается телефон Коула.

– Через час у Рори в «Раз, два». Этот говнюк согласился только на своей территории, когда я ему про тебя сказал. Зассал, что ли? – хмыкает в трубку брат. Кайл косится на дверь ванной – Кали успела проскочить туда без него. Завтракать ей придётся одной, он успеет только душ принять. И конечно же, куда и зачем он едет, он ей не скажет.

– Я понял.

– Только давай сначала к нам, – Кайл отключается и сгребаёт постельное бельё на пол. В прачечную действительно стоит заскочить на обратном пути.

– Рассказывай, – лениво роняет Кайл, падая на диван мягкой зоны. Следов крови здесь больше нет, обивку сменили, сменили стулья. В груди зудит какое-то паршивое чувство. Здесь недавно умер человек, а ему хоть бы хер.

Кайл никогда не считал, сколько трупов разной степени разложения перевидал на своей работе – успел привыкнуть, очерстветь. Даже будучи в банде он столько дерьма не видел, сколько видел сквозь прицел табельного пистолета. В первый год стажерства его пару раз вывернуло прямо на асфальт, а потом всё пошло по накатанной. И всё это как-то грустно. Как грустно и то что он, по сути, снова возвращается к истокам. Назначенная «стрела» с Диего тому подтверждение.

– Данэм, короче, собирался этот товар слить, у них там многоходовка какая-то наверху. Говорит, так надо было. – Коул плюхается напротив, остервенело трясёт шейкером с протеиновым коктейлем. Он рассказывает ему о той заварухе с наркотой, из которой «Хантеры» едва ушли на своих ногах. Но не все. – Человек, говорю, мой погиб, нельзя было предупредить? Он, сука, сказал мне, что не натурально бы вышло. Им там наверху вообще похуй на нас, хоть все мы тут передохнем, – Коул едко, зло усмехается, глядя куда-то в сторону. Наверное, прокручивает в уме разговор. – Двести кусков дал на всех. Мы, конечно, матери его большую часть скинули, – он неосознанно бросает взгляд на место, где умирал его человек, опустошает шейкер в три больших глотка и с грохотом ставит его на стол.

Кайл краем глаза замечает, что в бар начинают сходиться любители промочить горло с утра пораньше. Их обслуживает миловидная блондинка. Новенькая. Наверное, очередная любовница брата, такие куклы в его вкусе. В последнее время. Отчего-то Кайл вспоминает первую любовь брата – Андреа Маршалл. Она была темненькой, долговязой и худой, как мальчишка. С тех пор, как она исчезла из их жизни, Коул стал избегать таких типажей. *

– Он сейчас там бабу одну допрашивает. Знаешь, что он с ней сделал? – Коул кривит рот, пропускает сквозь зубы комок слюны, смачно плюёт в пепельницу. В подробности не вдаётся. – Упырь долбаный.

Кайл мрачнеет. Всё это звучит как-то неутешительно. Без протекции Старших «Хантеры» были сами по себе, плавали мелко, зато знали, за что огребают и что, в случае чего, их ждёт. Сейчас брат и его парни становятся тупым мясом, которое не жаль отправить на бойню. Банду они создавали, чтобы выжить и чуть упорядочить то дерьмо, в котором им приходилось существовать. У них были идеалы. Сейчас же цели «Хантеров» изменились. Болезнь с симптомами «пожрать, навариться, потрахаться» заразила и их. И Коула, похоже, подтачивает тоже.

– Ладно, погнали. Мне с амиго Диегито тоже побазарить надо, – Коул поднимается с дивана, Кайл следует его примеру.

– На предмет?

– Отмашку дали. Кончать Гарсию, убирать их нахуй с улиц. Нам людей подгонят. Оружие, если надо. Я тебе сейчас всё это говорю, чтобы ты в курсах был. И ещё, – Коул заводит брата в оружейную, звенит ключами, набирает код, открывает железный сейф, стоящий прямо на полу, в углу.

– И я вот ещё что прихватил, когда эта заваруха началась с федералами. Моральный ущерб, чтоб его, – он вертит в руках чёрный прямоугольник размером с кирпич, обмотанный чёрным полиэтиленом. – Я хер знает сколько тут точно, но кусков на триста минимум.

– Да ты охуел?!

При виде здорового бруска наркоты Кайл взрывается. В «Логове» никогда ничего подобного не держали. Да и вообще не связывались с этим, потому что наркота – удел Старших. Такой объем Коулу в руках держать-то не положено, не то, что хранить. Кайлу отчего-то хочется, как в детстве, хорошенько съездить брату по уху, чтобы вставить мозги на место. Пока ещё не слишком поздно.

– Ты в моей тачке это гавно вёз? По улице с ним шёл? У тебя башка вообще есть?!

– Выключи ты копа. Всё нормально.

Коул то ли слишком самонадеянным стал, то ли расслабился, почувствовав вкус власти. Скоро на улицах снова начнётся стрельба. Работы будет до чёртовой матери. И как бы Кайл не желал Гарсии сдохнуть, эта перспектива его мало радует. Как и два кило героина в руках у брата.

– А если кто прочухает? – Кайл не собирается сдаваться, несмотря на то, что это бессмысленно. Если только самому из рук вырвать и в унитаз спустить. Только вот ему даже касаться этого дерьма не хочется. – Выкинь эту дрянь.

– Я его в пять пакетов завернул, средством от моли пересыпал, ни одна собака не учует, – Коул суёт свёрток обратно в сейф, обращается к брату, присаживаясь на краешек стола. – Слушай, я в курсе, что делаю. Это подушка безопасности. Сам видишь, херня случается. Вот ты выпендриваешься сейчас, а сам сто пудов согласен со мной, – Коул говорить беззлобно, не спорит, не доказывает. Он спокоен, будто действительно знает, что делает.

Ярость прогорает так же быстро, как вспыхнула. Кайл ощущает себя рыбой, выброшенной на берег – трепыхаться бесполезно. Вряд ли какая-нибудь добрая душа пинком ботинка отправит её обратно в море, всем просто насрать. Всем вокруг насрать друг на друга, только вот ему вечно есть до всего дело.

Коул вдруг щурится, пытаясь разглядеть что-то на уровне его груди. Он подходит ближе к брату и поддевает пальцами край рукава его футболки.

– Ого. Прямо медали за заслуги! – Коул меняется в лице, разглядывая потемневшие следы чужих зубов. Похоже, рад не на шутку, может, даже больше него самого – Кайл до сих пор до конца не осознает того, что Кали Рейес теперь с ним. – Кусачая какая! Ты с Гарсией насчёт неё собираешься перетереть? – дождавшись молчаливого кивка головы, продолжает. – Ну, всё ясно. Познакомишь когда? Я мясо пожарю, вино там, семейный ужин, все дела. Отметим вашу состыковку, – Коул воодушевлен не на шутку, идёт, чуть ли не подпрыгивает. Кайл видит, брат

переживает за него больше, чем он сам за себя. Так же, как он сам переживает за него. И так всегда. Хотя бы что-то остаётся неизменным.

– Ты только не матерись при ней, – с улыбкой добавляет Кайл когда они выходят из «Логова» и грузятся в его «Мустанг». В припаркованный рядом «Додж» садятся четверо «Хантеров» – сопровождение на случай неприятных сюрпризов на земле «Кобрас».

– Буду аки агнец божий, – выдаёт Коул фразу, совершенно для его лексикона не типичную, едва сдерживаясь от смеха. Кайл знает, он может быть весьма мил, если захочет. – Её как зовут-то?

– Кали.

Кали. Хочется повторять это имя про себя. Оно отдаёт чем-то неуловимо сладким, тягучим, как карамель. Кайл понимает, что улыбается, как идиот, лишь когда выруливает с парковки и вклинивается в уличное движение.

– Кали и Кайл, надо же, как в сказочке, – Коул проезжается по созвучности их имён, хмыкает, отворачиваясь к окну.

Их вправду, словно судьба свела, если эта сука вообще существует. Ради Кали он едет на встречу со своим заклятым врагом для того чтобы, вот умора, дать ему денег, а не по роже. Кайл вдруг понимает, что это меньшее, что он готов сделать ради неё. Он готов ради неё на всё.

«Раз два», похоже, не закрывается круглые сутки. На улице солнце в зените, а стриптизерши уже лениво вышагивают вокруг шеста. Глазам темно после яркого света. Флуоресцентен и неон вонзаются в сетчатку острыми иглами – светятся даже трусики у танцовщиц. У одной из них вереница крупных бусин блестит между ягодиц, врезаются в припухшие половые губы и сходится на лобке, соединяясь со световой лентой, висящей на бёдрах. У другой между ног путается шикарный лисий хвост, который, если приглядеться, обратным концом воткнут глубоко в анус. Сквозь нитяные шторы, скрывающие вход в приват-комнату, виднеется стоящая на коленях женская фигура в одних только туфлях. Она яростно работает ртом, пристроившись между мужских ног в спущенных до колен джинсах. Если приглядеться, то и шторы выдержаны в соответствующем стиле: бусины в виде членов, вагин, грудей и задниц весело быются друг о друга, когда кто-то проходит мимо.

Форма официанток простора фантазии не даёт: на сосках стикини с бархатными кисточками, вместо трусов три блестящие нитки и кусок ткани на лобке, который среди прочего выглядит почти стыдливо. Задницы абсолютно голые – вход доступен, стоит одной из них чуть наклониться. Кайл слышал, что здесь дают все: от этих самых официанток до тошнотно-худых парней с подведенными глазами, которые торгуют за стойкой бухлом. Здесь проводят свингерские тусовки, играют с верёвками, цепями и секс-машиной в «комнате пыток», а в подвале играют в блек-джек и покер. Рори не боится рейдов – всё проплачено на год вперёд не без участия Гарсии.

Девчонки улыбаются им, и Коул, проходя в зал, улыбается каждой в ответ, попутно делая брату знаки рукой – большой палец вверх, вбок или вниз, что значит «вообще нормас», «сойдёт под пиво» или «страхебище сраное». Выходит равномерно.

С пустыми яйцами хреново оценивать – Кайл смотрит не на сиськи, а в глаза и видит в них туман. Девки словно под чем-то. Алкоголь, или наркота, или таблетки, после которых подставишься под любой хрен без разбора, потому что начинает зудеть – какой только химии сейчас нет. Они с Эрнандесом как-то вытащили пару мешков такой дряни из одной квартирки. Вместе с тремя проститутками, которых скручивало так, что они готовы были насадиться хоть на рычаг передач в полицейской тачке. В этих туманных взглядах ни капли осмысленности, одна похоть, и где-то здесь, среди всей этой мразоты тусуется Рита, ведь «Раз, два» по слухам, любимый клуб Гарсии. Глухая злоба тяжёлым камнем давит где-то внизу груди. Он лучше

взорвёт здесь всё к чертям собачьим, взорвёт и сядет, чем позволит Кали хоть раз переступить этот порог.

– Здорово, Рори, мудака ты сраный, как житуха? – Коул ощутимо бьёт по плечу высокого худощавого мужчину неопределенного возраста, стоящего возле стойки.

Рори можно дать как тридцать, так и пятьдесят – зависело это от освещения и количества косметики на его лице. У него высветленные, тщательно ухоженные волосы, красная рубашка и короткие джинсовые шорты. Очень гейские.

– Приветствую, рад что ты ещё не сдох, Коул, – ровным меланхоличным голосом отвечает Рори, протягивая ему руку. На остроты и оскорбления не реагирует, он знает Коула слишком давно и слишком хорошо.

– Ой, да пиздишь, – с улыбкой отмахивается Коул, сгибаясь над барной стойкой, чтобы посмотреть ассортимент. «Раз, два» – пионер по части нового бухла для клиентов. Всегда есть, чему поучиться.

– Кайл, давно о тебе не слышал, – Рори тянет ему ухоженную ладонь. Кайл замечает большой темно-красный, под цвет рубашки, перстень на безымянном пальце.

– Привет я Лили-Роуз, да-да, как дочка Джонни Деппа, я собираю деньги на операцию по смене пола.

Между ними протискивается чернявенький худой мексиканец с мелкими чертами лица и высоким голосом, явно задавленным гормональными таблетками. У него португеза на голом торсе и кожаные штаны в облипочку. Пацан, похоже, тоже здесь танцует и, кроме того, подплясывает лично Рори, судя по тому, как тот по-свойски прихватывает его за талию. Ладонь у «Лили-Роуз» холодная и влажная, как рыба. Кайлу хочется вытереть руку о штаны.

– Вообще круто, – игнорируя протянутую для рукопожатия ладонь, бросает Коул, продолжая скалиться. – Ну что заднеприводные, как дела? Народ прёт?

– Давай без этого Коул, – не меняя тона отвечает Рори, только чуть глаза закатывает. – Диего только что подъехал. В вип-зоне.

Рори указывает своей тонкой, как каное, ладонью в сторону комнаты, отгороженной от основного зала такими же весёлыми шторами, как в привате.

С каждым шагом в груди у Кайла всё сильнее начинает чесаться. У входа в вип-зал Коул притормаживает, берётся за бусинку в виде задницы, задумчиво крутит её в руках. Оборачивается к брату, одними глазами спрашивает «Всё нормально? Готов?». Кайл кивает.

– Чем обязан?

Диего сидит, развалившись на бордовом кожаном диване в компании трёх девиц. У входа толпятся четверо «Кобрас». Особо борзый одними губами произносит «Суарес» и проводит пальцем себе вдоль шеи, глядя Кайлу прямо в глаза. Кайл лишь криво ухмыляется ему в ответ. Гаденько так.

– Оставь своих собак на улице, Диего, как договаривалась, – Коул ведёт плечом в сторону его бойцов. Диего нехотя кивает им и они уходят. Их остаётся всего трое, не считая трёх девиц, которые здесь, скорее, в качестве мебели – судя по их невменяемым глазам и широким зрачкам, они сейчас хреново воспринимают речь на слух. Кайл смотрит каждой в лицо – Риты среди них нет, и останавливает взгляд на лице Гарсии. В груди начинает зудеть всё сильнее. Надо поскорее закончить дела и убывать отсюда.

– Озвучь мне остаток долга Рейес, – Кайл вынимает из кармана тугую пачку наличности, которую он снял в нескольких банкоматах. Должно хватить на пару месячных выплат. Девица с радостным визгом ловит её на подлете к лицу Гарсии. Откуда только такая реакция после кокса? – Больше к ней не подходи.

– Вау, так ты её трахнул?! – Диего аж перегибается через стол, хлопая в ладоши. – А то ведь жадина, не даёт никому! И как она?

У Гарсии глаза блестят. Вся его бесячая, смазливая рожа с плешивой, козлиной бородой выражает такой бешеный интерес, что хочется по этой роже пройти носком ботинка. Кайл переоценил себя. В присутствии Гарсии вся его хваленая стрессоустойчивость катится к херам.

– Тебе никогда не узнать.

– Ошибаешься, – тянет Гарсия, откидываясь на диван. Он вытаскивает из портсигара сигарету. Одна из девчонок ловко подносит ему зажигалку с гравировкой в виде двух змей. – Я ту твою тёлку трахнул и эту тоже трахну.

Диего выпускает кольцо дыма, невозмутимо глядя Кайлу в глаза. Дальше Кайл ничего не помнит. Слышит только, как визжат девки, как матерится Коул, как стонет Гарсия, когда вырванная изо рта сигарета шипит у него в ухе.

– Не вступать! – на периферии слышится голос Рори, на удивление жёсткий и командный. Он координирует охрану клуба, чтобы те сдержали людей Гарсии от повальной драки, а Кайл всё бьёт и бьёт, пока не ранит себе руку осколком зуба.

– Ну всё, хорош, – Коул жёстко берёт брата за плечо и оттаскивает от Диего, барахтающегося по полу между диваном и столом.

Девочки разбежались, Рори стоит в дверях с пистолетом в руках, направленным дулом вниз. Странно, Рори будто чувствует что-то. Может, он за справедливость, а может, понимает, что «Кобрас» на этой земле хозяйничать недолго. Слухи расходятся быстро.

– Ты даже сосать свою малолетку нормально не научил, дерьма кусок. Знаешь, как она вопила, когда я её в зад имел? Ты вообще что-нибудь делал с ней или ты, может, инвалид? – даже катаясь по полу, Гарсия не унимается, словно унизить Хантеров для него дело чести. Хотя откуда ему знать, что это такое. Кайл делает рывок, выдирает руку из крепкого хвата Коула и от души бьёт Гарсию ногой в горло. Такой удар мог и убить, приложи он чуть больше силы. Эта мысль ненадолго отрезвляет его. Дождавшись, пока Диего начнёт нормально дышать, Кайл выходит из зала, сорвав по дороге пару ниток с херами и вагинами. Они путались у него в ногах.

– Пидарас ты, Рори, – изрекает Диего охрипшим голосом, усаживая свой зад обратно на диван. Рори молчит. Коул смотрит на Гарсию сверху вниз, презрительно, как на дерьмо, в которое досадно так вляпался на улице.

Как же ему хотелось позволить брату убить его прямо здесь, но сесть из-за этой мрази он ему не позволит. Сам разберётся. Обычными методами.

– Сумму озвучь, – повторяет Коул, когда они остаются наедине.

– Двести двадцать кусков, – выхаркивает Гарсия вместе с кашлем. – И десятку мне лично.

– С хуя?

– Херово она дела ведёт, – Диего, держась за горло, пытается откинуть голову, но снова сгибается пополам от боли, – просрочки у неё, заебался свои за неё вносить. Проценты типа.

– Десятку свою сам себе прости. Я вообще тебя предупредить пришёл, чтобы по чесноку и по понятиям. Чтобы ты потом не говорил, что я, как сука, втихую, – Коул чуть склоняется к нему, глядит прямо в глаза, чтобы тот понял, насколько всё серьёзно. – Я тебя и твою шайку скоро прикрою начисто, хочешь жить, вали нахуй подальше за железку.

– Да отсоси, – Гарсия смачно сплевывает кровь прямо на стол, не сводя с Коула глаз.

– Не говори, что не предупреждал. «Приход» теперь под «Хантерами», чтобы я тебя там не видел, усек?

– Вот только карточный долг это святое. Скажи уёбку этому, что баба его не жилец, если бабло закопит, – хрипит ему в спину Гарсия, но Коул не оборачивается. Война объявлена, и первая задача в ней – доехать до «Логова», не нарвавшись на наспех организованную засаду. И насчёт долга он прав – уйдёт Гарсия, придёт другой, ведь боссы остаются боссами, а отец Кали связался, по слухам, с самим Франко. Однако, проблемы надо решать по мере поступления.

От Кайла приходит смс.

«Жду в машине»

Выходя из зала, Коул видит ярко-алый всполох в толпе, похожий на волосы Риты.

Глава 2. На чистую воду

– Может, ты лицо попроще сделаешь?

Александра ничего не отвечает, только отворачивается, чтобы господин директор её лицо не видел вообще. Лицемеры хоронят лицемера, как интересно.

Если бы Александре Маккормик сказали что она станет ненавидеть мужчину, с которым собиралась создать семью лишь за то, что он нравится её отчиму, она бы рассмеялась. Она не представляла, как сильно Джон Беккет станет похож на него. Теперь же глядя на гроб, укрытый флагом, на скорбящую толпу в парадной форме, на его рыдающую мать с орденом «посмертно» в трясущихся руках, Сандра чувствует облегчение. И даже совесть не мучает.

«Обрати внимание на этого молодого человека».

Сказал ей Маккормик на одном из светских приёмов. Спорить с отчимом было чревато.

«Называй меня отцом, Сандра. Мне не нравится, как звучит слово отчим».

Отцом, который распускал руки, который лез ей в трусы. Который довёл её мать до психлечебницы, а после до самоубийства, чтобы прибрать к рукам их семейное состояние. Чтобы прибрать к рукам её будущее. Чтобы на обломках её будущего собрать своё будущее. Директор Агентства по борьбе с наркотиками – крупнейшей сети по сбыту этих самых наркотиков во всей Восточной части страны.

Она не знала, почему всё ещё жива с такими познаниями. Может, потому что Бредфорт не верил, что у неё есть доказательства, может, потому что не верил, что у неё хватит духу свои доказательства обнародовать. Духу у неё хватит, вот только Александра не знает, кому можно доверять. А сколько раз она срывалась на крик, обвиняя его в преступлениях. «Отец» на это только устало обмахивался буклетом из психиатрической клиники. Ему хватит связей сунуть туда и её.

Бред Маккормик обложил её со всех сторон. Он оплачивал ей Медицинский Университет – единственную возможность рано или поздно выйти из этой зависимости. Он положил её под своего протекже, чтобы она не выдала его грязные тайны кому-нибудь со стороны. У неё – наследницы одной из влиятельнейших семей – за душой не было ни цента и ни одного рычага давления. Работа, учёба, курсы самообороны и анонимный клуб для переживших сексуальное насилие, разумеется, в тайне от него – длины поводка, на котором держит её Маккормик, хватает только на это.

– Мы найдём ублюдка, который сделал это, – клятвенно обещает Бредфорт не то себе, не то ей. И лицо его при этом такое одухотворенное, такое преисполненное жадой справедливости. Тошно. Сандра сухо обнимает безутешную миссис Беккет и удаляется с кладбища, опираясь на руку личного водителя-телохранителя – с недавних пор его присутствие стало обязательным, конечно же, по приказу «отца». Пусть думают, что ей стало нехорошо.

– Как расследование продвигается?

– Не очень. Выстрел был с расстояния больше полутора миль. Скорее, всего это военный снайпер, слишком хорошая подготовка. Точку определить практически невозможно – в том месте бизнес-центр, много высотных зданий. Но парни носом роют.

– Понятно.

Джон не был в курсе дел её отчима – Бред Маккормик не любит делиться ни властью, ни знаниями, однако, и такому, как он, требовался человек, которому можно доверять. Именно в Джоне он взращал такого человека. И именно это день за днём убивало в Сандре желание продолжать с Джоном отношения.

– К миссис Беккет?

– Нет, на работу. Не могу это выдержать.

На прощальный обед она не явится. Пусть все думают, что ей тяжело, что работа с пациентами – её спасение и так далее по списку. Хотя на самом деле ей никак. Александра позвонит

миссис Беккет лично. Она её поймёт – мать Джона была, пожалуй, самым адекватным человеком из её окружения. Она была бы прекрасной свекровью, а Джон – неплохим мужем. Он всегда был мил с ней. Если бы не куча но, главным из которых была близость к её отчиму. Двух таких она бы не вынесла – двинулась бы ко всем чертям.

Она и так едва не двинулась. Вслед за матерью. Маккормик всегда был мастером психологического давления. Он сумел убедить жену в том, что во всём, что с ней происходит, виновата только она сама. В алкоголизме, в нервных срывах, в депрессии, в биполярном расстройстве. В самоубийстве. Он убедил её, что она не способна распоряжаться своим состоянием, что она не способна воспитывать собственную дочь.

И Сандра почти поверила в это. Она верила, что он желает ей только добра. Она верила в то, что плохо ведёт себя и за это покорно несла наказание. Ей было четырнадцать, когда она гоняла в кулаке его омерзительный скользкий член, думая, что сама в этом виновата. Стоически терпела, когда он приглашал её «просто посидеть у него на коленях». Она верила, что сама его провоцирует. Проклятая сволочь. Сандра не помнит, в какой момент у неё открылись глаза, но с тех пор глухая ненависть и жажда мести придаёт её жизни смысл.

Кали запирает квартиру и ловит на улице такси – трястись в автобусе нет ни времени, ни желания. Прощание вышло скомканным. Кайлу позвонил брат, и он тут же скрылся в душе, а после поцеловал её в макушку и умчался, сделав два глотка кофе на бегу. Что стряслось, не сказал, да и она не стала спрашивать – растерялась.

«Выходи за меня».

Кали не успела ответить ему ничего толкового. Это было слишком неожиданно. Она и не знала, что ответить, кроме банального «я подумаю». Эта мысль зудит теперь в голове всю дорогу до бара, не даёт покоя, не позволяет сосредоточиться – Кали еле соображает, сколько нужно заплатить таксисту. Цифры в голове упорно встают шиворот наыворот – она настойчиво пытается сунуть водителю двадцать три доллара вместо тридцати двух.

Суэта в «Приходе» отрезвляет её. Кали сразу же отмечает, что столы грязные, что пустые бутылки стоят в углу у входа вместе со сломанным, вероятно, об чью-то голову стулом, в ведре блестят осколки пивных кружек вместе с россыпью чипсов и сухарей. Выяснить бы, что тут произошло, но Кали знать ничего не хочет – наверное, сутки ничегонеделания взрастили в ней нездоровый пофигизм. Благо, что ещё потолок не обвалился. Без хозяйского надзора дела всегда ведутся спустя рукава.

За прошедшие сутки, пока Кали не было на рабочем месте, бар мог потерять нескольких клиентов с таким бодовым сервисом. Но какие это были сутки... Кали невольно улыбается своим воспоминаниям, чувствуя, как щёки начинают гореть. Ещё это предложение. Серьёзно ли? Насколько она успела узнать Кайла, несерьёзными его слова не бывают.

– Кали! – Нэнси зовёт её из дверей подсобки. Барменша выгружает оттуда ящики с пивом, ей помогает молодой парень. Кали его не знает, наверное, это тот самый работник, которого нанял Кайл.

– Привет, – Рейес выдавливая из себя виноватую улыбку. Барменша смотрит на неё укоризненно, мол, оставила ты меня одну на произвол судьбы, но обвинения выдвигать не спешит. Надо будет посчитать ей сверхурочные. – Надеюсь, всё нормально?

– Не совсем, – Нэнси уводит её в сторонку, подальше за стойку, открывает журнал учёта. – Я не досчиталась вчера двух сотен. Пересчитала с утра, ещё сотни нет. У меня не маразм.

Кали чувствует, как всё внутри холодеет. Она смотрит в обеспокоенное лицо Нэнси и начинает нервничать сама. Дерьмово. Пока она бьётся за каждый цент, кто-то ворует из кассы.

Вряд ли Нэнси пытается сама себя выгородить. Она с ней с самого первого дня, у неё дочка-школьница, с мужем она давно разошлась. Нэнси нужна работа, любая работа, она не

стала бы рисковать, подворовывая выручку. Нэнси – порядочный человек, несмотря на то, что порой любит приложиться к бутылке, на неё Кали подумала бы в последнюю очередь. Рейес бросает взгляд в сторону новенького, барменша её взгляд перехватывает и плечами пожимает мол, не уверена. Кайл – полицейский. Сомнительно, чтобы он привёл к ней в бар непроверенного человека. Сомнительно, что этот молодой человек хочет связываться с полицией, раз ему нужна работа.

– Я думаю, кто-то сделал дубликат ключей от сейфа и кассы. И таскает потихоньку, чтобы не спалиться.

– Кто-то из своих, – выдыхает Кали, потирая переносицу. Начинает болеть голова.

– Да, кто-то из своих, – подтверждает Нэнси, воровато осматриваясь по сторонам.

– Твою мать.

Кали опирается руками о столешницу, под тяжестью веса мышцы начинают ныть. Болят не только руки, болит спина, бедра, даже почему то шея. Кали почти год прожила без секса – нагрудилась с непривычки. Воспоминания о прошлой ночи снова вспыхивают перед глазами ярким пятном, Рейес отгоняет их. Надо менять замки. Опять деньги.

Она мысленно набирает список всех тех, кто входил в бар далеко за границы стойки: кроме неё и Нэнси остаётся только Раиса и три её девочки. Или всё-таки это кто-то со стороны. Это был бы наилучший вариант. Одна лишь мысль о том, что её втихую обирает кто-то из тех, кому она доверяет, вызывает приступ бессильной ярости. Почему-то хочется плакать, хотя казалось бы, обычное дело в тех кругах, в которых ей приходится вращаться. Наверное, это Кайл Хантер заразил её своей порядочностью.

Что-то скрежещет по поверхности барной стойки. Телефон, который Кали бросила на неё, сразу как вошла, настойчиво требовал, чтобы она сняла трубку.

На душе становится теплее – Кали отчего-то уверена, что это Кайл. Хочется всё ему рассказать, поделиться подозрениями, спросить совета, пожаловаться, в конце концов. За какие-то считанные часы Кайл Хантер успел стать для неё необходимостью. Он, словно был с ней всегда. Долгие месяцы ожесточенной борьбы в одиночку забылись как-то слишком быстро, стерлись из памяти, как случайный кусок чьей-то жизни, не её жизни. Теперь всё наладится, Кали отчего-то верит в это всё больше и больше.

Рейес берёт мобильник в руки и разочарованно выдыхает. Номер ей отдалённо знаком, но именем он не обозначен.

– Привет, киса, а не расскажешь мне, с какого хера за тебя «Хантеры» впрягаются? – даже через расстояние, искаженное телефонными помехами, Кали чувствует, как гадко и сально ухмыляется Гарсия, попутно пытаясь сообразить, куда делся его номер из телефонной книги. – Ты с ними с обоими что ли ебешься? Мне чисто интересно.

– Какие «Хантеры»? О чём речь вообще? – услышав фамилию Кайла, Рейес напрягается. Почему вдруг Гарсия заговорил о нём, да ещё и так будто хорошо его знает? Почему пытается влезть ей под шкуру, почему пускает в ход свое излюбленное психологическое давление, которое всегда, а он это знает, всегда доводит её до истерики? Кали чувствует, что у неё в ушах начинает звенеть. Этот звон удаляет от неё скрипучий голос Диего. Похоже на защитную реакцию психики.

– Да ладно? «Хантеры». Два брата-акробата. Они западную сторону держат. Ты что, в раскладе не сечешь до сих пор?! Это очень херово, дорогая.

Стоит закрыть глаза, как Кали видит перед собой смазливую рожу Гарсии его тощую бородавку и маленькие блестящие глазки. Она почти видит, как он полушутливо грозит ей пальцем, выдумывая для неё, нерадивой, новые наказания и угрозы, хотя разнообразием они никогда не отличаются. У Гарсии вся жизнь вертится вокруг его члена, удивительно как с такими усохшими мозгами он держится во главе бандформирования.

– За моей спиной раздвигаешь ноги, насасываешь себе на новую «крышу», спихнуть меня хочешь, да? Расчетливая ты сучка, я прям зауважал тебя, – в его голосе слышится веселье, но Кали знает что это не так. Чем веселее Гарсия, тем хуже тем, на кого он своё веселье направляет. Он улыбается, а через секунду вытворяет такое, что после хочется бежать в подсобку и рыдать, как маленькой. Он – искусный манипулятор, и одному дьяволу известно, как Кали его ненавидит за это.

– Ты что несёшь?

– Может, передумаешь? Сравнишь, чей хер вкуснее? – его тон резко меняется на серьёзный, улыбка сменяется оскалом, она как перед собой это видит. Кали ищет взглядом стул. Хочется присесть. – Короче, ни с тебя, ни с «Хантеров» я не слезу, запоминай. А за то, что крысятничаешь, спрошу вдвойне. Можешь начинать себе зад растягивать, а то разорвешься, киса...

– Да пошёл ты нахуй! – Кали шлепает ладонью по стойке. Чертовски больно. – Нахуй ты звонишь мне, что за хуйню ты мелешь?! Приходи, забирай свои бабки и убывай!

Гарсия точно дал бы ей по лицу, будь он рядом. Кали орёт на весь бар, не в силах больше держаться. Смысл его слов ещё не дошёл до неё, Кали хочет перестать его слова слышать, оглохнуть на худой конец, только не позволять им проникать в уши. Перед глазами снова возникает лицо Кайла, только теперь её воспоминания не так радужны.

– За тебя заплатили, киса. За два месяца вперёд. А вот за твоей чудесной задницей я приду лично. А то мне, знаешь ли, прямо завидно...

Рейес бросает телефон. Аппарат звонко удаляется о пол и пропадает в темноте под стойкой.

– Кали, ты трубку разьебала, – констатирует очевидное Нэнси и вопросительно ведёт бровью, мол, чего психуешь.

– Курица. Пизда тупая! – клянёт себя Рейес, меряя широкими шагами пространство за стойкой. Она заворачивает в подсобку. Нэнси спешно уступает ей дорогу, так и не поняв, в чей адрес прозвучали оскорбления, может в её?

Кали складывает два и два. Она помнит что фамилия Хантер, которую она прочла тогда у Кайла на значке, показалась ей смутно знакомой. С самых первых дней Раиса вводила ее в курс дела, рассказывала о «Кобрас» и Гарсии, о братьях Хантер, о «Кровавых» во главе с Дре. Кали тогда впихивала в себя информацию, не разжевывая, многое забыла или не запомнила вовсе, но ожидать, что под шкурой полицейского может оказаться один из лидеров уличной банды, она не могла. Кайл сразил её, выскреб ей мозг, заставил развесить сопли. Заставил влюбиться. И превратил в предмет торга. В оружие для их с «Кобрами» междоусобиц.

Надо съездить в квартиру и забрать оттуда вещи, пока он не вернулся домой. Репутацию дающей бабы она ему не простит – теперь отбиваться от Гарсии и его ублюдков станет вдвойне сложнее. Забрать из сейфа пистолет, купить, наконец, нормальную кобуру и не снимать его никогда. Кали толкает дверь в подсобку и рвётся в свой кабинет. В дверях кабинета она сталкивается с Гейл, та на ходу запихивает пятидесятидолларовую бумажку себе в лифчик. Блядский розовый лифчик, с торчащими нитками и пожелтевшими от долгой носки и редких стирок резинками. Дешёвый, как она сама.

Ровно на секунду в глазах Гейл вспыхивает испуг. Испуг сменяется на деланное равнодушие с нотками пренебрежения – таким взглядом она всегда смотрела на Кали, будто это Кали здесь – тертая проститутка, а она – пуп земли. Зависть, жадность, высокомерие – Кали всегда игнорировала Гейл, ей было не до её, но сейчас, когда она пытается выйти из её кабинета как ни в чём не бывало, сейчас, когда Гарсия выбил у неё почву из-под ног правдой о человеке, который стал ей дорог, у Рейес срывает тормоза.

Она хватается её за руку, дёргает на себя. Гейл в долгу не остаётся – она вырывает руку и толкает Рейес к двери. Гейл сильная – Кали ударяется спиной и затылком, но боли не чувствует,

слышит только глухой, деревянный стук и грохот собственного сердца. Рейес отпружинивает от двери, словно прыгает с трамплина в воду, догоняет Гейл в три широких шага и сгребает ее жёлтые, сухие, как солома, волосы в кулак.

Ни одна не издаёт ни звука – Гейл сопит, сцепив зубы, машет руками как попало. У неё нарощенные ногти, синие, с идиотскими звездочками из блёсток – Кали чувствует, как горят парapiны на щеке возле уха и на предплечье.

– Сука, – шипит Рейес и таранит её головой в грудь.

Обе с грохотом валятся на пол. Ухает забытое кем-то пластиковое ведро, падает швабра – удивительно, что ещё никто не примчался на шум. Гейл целится ей в перемотанное запястье и, услышав крик, вскакивает на ноги, пытается убежать. Кали хватается за край блузки. Слышится треск и визг.

– Блять, это моя самая нормальная кофта, дура!

Рейес охватывает азарт. Она мстительно, зло улыбается, дёргает сильнее – в руках остаётся фиолетовый кусок шифона. Секунда заминки, и Кали встаёт на колени, следом на ноги, делает шаг назад и замах. Прямой удар кулаком в лицо заставляет Гейл закричать и завалиться на спину.

– Не вздумай вызывать полицию, сука! Это мои деньги, ты забыла? Моя тысяча, блять! – визжит Гейл, отползая от Кали по коридору. Она запахивает вырез на груди. Возвращать деньги без боя она явно не намерена.

– Отдала ключи, быстро! – Кали надвигается на неё, сжимая руки в кулак. Бинт под повязкой покраснел, рана разошлась, но она не ощущает боли, только дикую, раздражающую изнутри ярость.

– Ты не имеешь права меня задерживать! – Гейл находит опору, поднимается, но остаётся на полусогнутых – готовится для броска. Её голос, как верещание индюшки, высокий, прокуренный. Отвратительный. Гейл шмыгает носом, прогоняя по горлу комок слюны и мокроты заядлого курильщика. – Думаешь, спишь с копом, и сама теперь, как коп? Так вот, не имеешь права, тупая ты соска!

– Я имею право хорошенько тебе въебать, Гейл.

Кали набирает в лёгкие порцию воздуха и делает шаг. Перед глазами вспыхивает, а после всё вокруг смазывается в бесформенное пятно – руки Гейл, клочок её волос, разодранный шифон и вывалившаяся из лифчика грудь, смятая пятидесятидолларовая купюра на полу, её собственные руки, сжатые в кулаки, и ненависть. Жгучая, до красных кругов перед глазами. Обида, страх, стыд, ощущение, что её предали – этот блядский узел раздрает нутро, вынуждая бить и быть избитой, потому что эта боль заглушает другую боль.

– Что за сраный курятник?!

Голос Раисы врывается в пространство, режет слух, отрезвляет. Кали видит, что Нэнси бесстрашно встаёт между ними и вместе с Раисой оттаскивает Гейл к противоположной стене. Её саму держат чьи-то руки. Кали оглядывается, высоко задрав голову. Это тот парень, сосед Кайла, которого он нанял ей в помощь.

– Выметайся, – охрипшим голосом шепчет Рейес. Парень расстроено опускает глаза.

Нэнси в очередной раз выручает её, рассказав в паре предложений всю суть денежных претензий Гейл. Раиса бросает «разберемся» и уводит Гейл в подсобку – поговорить. Гейл вылетает оттуда через пару секунд. Она в слезах, держится за покрасневшую щеку, ни на кого не смотрит.

– А ты в следующий раз сразу ко мне иди с такими вопросами. И не доводи до такого, – строгим тоном отчитывает Раиса, придирчиво осмотрев Кали с ног до головы.

Рейес молча выходит в зал, берет ключи от машины. С визгом тормозов она выруливает с парковки едва не спровоцировав аварию. Злоба всё ещё кипит, как дизель в движке, не давая сомнениям ни единой лазейки, схлопотав штраф за превышение, Кали тормозит возле дома

Кайла. Не глядя по сторонам, стараясь не будоражить душу воспоминаниями, она скидывает вещи в сумку, запирает дверь и сбежав по лестнице, бросает ключ в почтовый ящик.

Лишь на парковке у бара у неё начинают дрожать руки и губы, а горло сводить от поступающих рыданий. Чертовски больно. Она не хочет верить Гарсии, но у неё нет оснований не верить ему – Диего она знает гораздо дольше, чем Кайла, и к тому же, его слова прекрасно ложатся на суровую действительность. Кайл лгал ей. Пусть теперь лжет кому-нибудь другому.

Кайл на переднем сиденье, из-за подголовника его не видно – сполз так низко, насколько позволяет ему длина ног. В руках у него пистолет. Костяшки распухли, возле брови синее фингал. «Как в старые добрые», – со смехом думает Коул. Кайл за руль не сядет, у него нервы на пределе, въебется ещё куда-нибудь, потому Коул его с места не сгоняет, прыгает за руль сам.

Он оглядывается по сторонам. Его парни уже на низком старте, сидят в тачке с включенным мотором, парни Гарсии кучкуются у входа – кто-то вертит в руках бабочку, кто-то кастет поглаживает, будто бабу ласкает, у кого-то пушка в руках дулом вниз. Дипломатия закончилась, война объявлена, подвоха можно ждать в любую минуту.

– Дальше что? Облава, как обычно? – спрашивает Кайл.

Голос его звучит ровно, но до звона натянуто. Коула не обманешь. Брат готов был убить. А сейчас эта нереализованная цель его распирает, кости ломает, суставы выкручивает. Дерьмовое чувство. Кайл в отличие от него самого, отходит долго.

– Посмотрим, – уклончиво отвечает Коул. Поддерживать с братом этот разговор он не собирается. Пусть в себя придёт сначала.

– Я в деле.

Коул поворачивает к брату лицо. Тот сидит, губы кусает, ковыряет ногтем заусенец, смотрит в никуда – наверное, слова Гарсии по десятому кругу гоняет про себя. Диего тот ещё мудака, умеет приложить так, что хочется потом ему язык выдрать и в глотку затолкать. Коул с большим удовольствием сделал бы это сам – всё, что говорится и делается в адрес брата, он всегда принимает на личный счёт. Если бы всё было так просто. Они бы не ушли из клуба живыми, если бы Гарсия сдох прямо там. Нужно убавлять эмоции на минимум, включать мозги и выстраивать стратегию. Чем он и займётся в ближайшие часы.

– Не дури. Не забывай кто ты и что. Ради бабы, какая бы золотая она ни была, нехрен бошку в пекло совать. Не оценит.

– Не надо с больной головы на здоровую перекидывать.

Для Коула понятие любовь к женщине давно вышло из употребления. Однажды он здорово запарил себе этим мозги, но ничего хорошего не вышло, зато теперь всё гораздо проще. Девчонки больше трёх дней у него не задерживаются – никакой головной боли, всё по обоюдному, все счастливы и довольны. Это брату свойственно в каждой видеть жену и мать своих детей, такая уж у него маньячная тяга к нормальной семье, которой у них толком и не было. Свою башку брату не поставишь, что с него взять? У Коула всё гораздо проще – не было, и хуй с ней. А то, что Кайл думает, что его до сих пор та история с Энни задевает, то пусть думает, плевать. Сейчас есть проблемы поважнее. Даже если он и прав отчасти.

– В общем, остынь. Тогда и поговорим. К нам?

– Да.

Коул коротко кивает и поворачивает налево. Через два квартала будут ржавые ворота давно закрывшейся автомастерской с кривой надписью «Хантеры» от края до края. Коулу каждый раз хочется эти буквы поправить. За воротами начинается его территория.

Доехали спокойно. Кайл бегло бросает взгляд в зеркало сортира. В таком виде дома ему делать нечего. Кали будет задавать вопросы, а он ещё не придумал, что ответить. Рожа надо как минимум отмыть от крови, да и помыться бы не мешало – от него за милю несёт куревом и «запахом клубничных гандонов», как любит называть эту навязчивую вонь Коул. Рори не ску-

пится на антураж – в каждом углу у него распылители ароматизаторов, говорят, в них добавляют феромоны. Всё для клиентов, точнее, для их раскручивания. Домой, к Кали, он пока не сунется, но не позвонить ей не может.

Трубка сама идёт в руку. Кайл замечает, что эффект новизны не теряется – ему всё так же волнительно нажимать кнопку «вызов» под её именем, словно он опять приглашает её на первое свидание. Хочется услышать её голос, ее звонкое, с нажимом «алло», услышать, как смущённо она улыбается, услышать, как её грубоватый, напряжённый тон превращается в воркование, потому что ей звонит он. Одна лишь эта мысль действует на него успокаивающе. Кали Рейес – маленький островок умиротворения среди бешеного водоворота, из которого и он, и брат безуспешно пытаются выплыть. Но в этот раз абонент не доступен. Кайл перезванивает дважды, прежде чем начать волноваться.

Он набирает номер бара. Ему отвечает Нэнси. После провальной попытки позвать к телефону Кали, Нэнси сбивчиво объясняет ему, что Кали занята – принимает товар от поставщика. Барменша клятвенно обещает ему, что она перезвонит сразу же, как освободится. У него нет основания не верить Нэнси, но этот факт ему отчего-то совсем не нравится. Может, чувство собственника разыграло? Надо бы захватить, вдруг нужна помощь. Кали ведь сама не попросит.

Кайл не успевает додумать свою мысль – телефон в руке начинает звенеть. Это не Кали, на дисплее светится номер полицейского участка.

– У нас срочное собрание, – динамик звенит голосом Фрэнка. – Тони собирает всех в общем зале. Часа тебе хватит собраться?

– Вполне, – коротко отвечает Кайл, глядя на циферблат наручных часов.

Его побитая рожа вызывает у Эрнандеса живой интерес. Тот хлопает по свободному стулу рядом с собой – попридержал место для напарника, спасибо, иначе пришлось бы два часа маяться у стены. Кайл перебежками, согнувшись, пересекает зал – он всё-таки умудрился опоздать на пятнадцать минут.

– Красавчик, – припечатывает Мигель, хмуро косясь на его лицо. – Бурные выходные?

– Ещё какие, – соглашается Кайл, не вдаваясь в подробности. Есть, что вспомнить – хреновые дела «Хантеров», выстрел в броник – благо, синяк уже не ноет, Гарсия и, конечно же, Кали. Она из головы ни на минуту не выходит. Кайл уже дважды нажимает кнопку разблокировки экрана. Она так и не перезвонила.

– Что за срочность? – Кайл кивает вперёд на крепко сбитую брюнетку, стоящую возле проектора, их штатного психолога. На ней форменные юбка и рубашка, которая слегка мала ей в груди. Несмотря на громкую и чёткую речь, вряд ли парни слушают то, что она говорит.

– Лекция типа. «Правила и способы поведения при...», короче, с наркотой что-то связано. Ща Жирный придёт, расскажет нахрена это всё.

Болтовня затягивается на добрых тридцать минут. Ничего нового Кайл не услышал, только сильнее разнервничался. За это время он мог бы доехать до бара.

В зал протискивается Жирный Тони. Он благодарит психологичку и провожает её к свободному стулу, не спуская взгляда с выреза её блузки.

– Позавчера на подведомственной департаменту территории был убит агент Джон Беккет из АБН. Снайперский выстрел произвели из винтовки Ремингтон семимиллиметровым патроном с расстояния более полутора миль... – начинает он.

– Тоже мне новость, – тихонько хмыкает Эрнандес, – весь день об этом по телику твердят.

Кайл понимает, что прошляпил всё на свете. За прошедшие двое суток к телевизору он почти не проходил.

– ... разборки между картелями достигли апогея. Это было заказное убийство. Сверху нам обозначили круг подозреваемых в причастности к этому преступлению. Эти люди совершили хамский, наглый акт демонстрации силы на нашей земле. Мы не имеем права оставить его

безнаказанным. Мы действуем именем закона, именем конституции, свободы и демократии... – Тони распаляется, совершая свой традиционный акт поднятия подыхающего боевого духа, который больше напоминает акт любви с трупом. Он щёлкает пультом проектора. На экране появляются фото подозреваемых.

Кайл перестаёт слышать звуки – на белой доске бледно высвечивается лицо и имя брата. «Оливер Данэм» появляется следом за ним.

Кайл осматривается. На него никто не косится, кроме Фрэнка. Значит, всем либо похрен, либо насрать. О том, что он попал в Академию по программе помощи парням из неблагополучных районов знают не многие, но многие догадываются. Вряд ли кто-то будет задавать ему вопросы, окружающим проще забить хер и не нарываться – мало ли, какие у него там остались связи. Порой это даже удобно – никто не мешает переваривать услышанное. А переварить есть что. Коулу удавалось одиннадцать лет не влипать в проблемы с законом. Похоже, лимит его удачи исчерпан.

В покое Кайла не оставляет только Фрэнк. Он ловит его в коридоре, отводит в сторонку.

– Кайл, слушай, ты имеешь право не свидетельствовать против близких и всё такое, но если ты с ним общаешься, то, сам понимаешь, лучше ему с повинной явиться. Причастность надо доказать, само собой, ну, а если всё-таки он как-то со всем этим повязан, то срок за явку уменьшат.

В голосе Фрэнка слышны отеческие нотки, хотя откуда бы Кайлу, безотцовщине, знать, что это такое. Фрэнк беспокоится, сочувствует, это очевидно. Он опекает его, как опекал каждого зелёного выпускника, словно птенца, выкинутого из тёплого гнезда. Кайл всегда был благодарен ему за это, но сейчас это его участие начинает раздражать.

– Он всё-таки твой брат, пусть вы и не контактируете. Защита свидетелей может проканать. Дядька моей бывшей жены, он вообще разбоем занимался, отсидел, приличным человеком стал...

– Спасибо, Фрэнк, – Кайл прерывает его. – Правда, спасибо.

Он давит из себя скупую улыбку и спешит дальше по коридору. Надо улучшить момент и набрать Коула так, чтобы никто не спалил – по легенде он с братом не общается. Родственники с мутной репутацией – минус балл при поступлении в Полицейскую Академию. Такой вот естественный отбор, чтоб его.

Спустившись в гараж Кайл открывает капот машины, проверяет исправность по протоколу, подписывает бумажку, что принял тачку у предыдущей смены. Выкроив минутку, когда Эрнандес уходит отлить на дорожку, набирает брата.

– Вас крупно прижали, ты в курсе?

– Да. Данэм сказал, разберётся с этим, – отвечает Коул. Его голос серьёзен, озабочен, но не раздражен, значит, земля пока под ним не горит. – Ты лучше не звони мне. Особенно с работы, мало ли, может, вас там слушают.

Без лишних прощаний Коул сбрасывает звонок. Кайл набирает номер бара «Приход». Трубка снимается, но в ответ ничего: Кайл слышит шум, возню, пререкания. Глухо, будто кто-то зажимает динамик ладонью.

– Слушай, Кайл, она не хочет с тобой разговаривать, вы, что, поцапались? – раздражённо отвечает Нэнси. – В общем, мне надоело передатчиком работать, разберитесь сами, а?

– Да что ж за херня такая, – цедит Кайл в ответ на короткие гудки. Заехать к ней и выяснить всё по горячим следам он не может – отведённый им с Эрнандесом квадрат оказывается бесконечно далеко от её бара. Остаётся лишь мусолить по десятому кругу обрывки информации в башке и думать, думать, думать. И ждать, когда, наконец, закончится смена, чтобы начать по порядку решать чёртовы проблемы, которые никак не желают заканчиваться.

– Держись главных улиц, не сворачивай в переулки, за нами хвост и давненько, – голос напарника врывается в его размышления, вынуждая немедленно подобраться. Кайл дважды

сворачивает на перекрёстке и дважды серебристый минивен «Форд» мелькает у него в зеркале заднего вида. – Что бы ты делал без меня, салага? – беззлобно усмехается Мигель. Видно, что он напряжен, пистолет держит на коленях, сползает по сиденью ниже, чтобы макушка не мелькала над подголовником. Кайл замедляет скорость.

– Номерные знаки не установленной формы, – вместо «Калифорния» выбито «Лас Кобрас». – Это Гарсии.

– Говорил тебе, не связывайся, —Эрнандес снова начинает его отчитывать. – Завалил братца его, теперь пиши завещание, они с тебя живого не слезут.

Связался уже, крепче некуда и давненько, и братец его Суарес проблема не самая главная – думает про себя Кайл, но для напарника ограничивается коротким ответом:

– Я ему рожу вчера разбил. В частном порядке.

Любопытство напарника относительно его синяков должно быть удовлетворено.

– Ну пиздец... – Мигель хлопает себя по колену и закатывает глаза. – Подам-ка я рапорт о смене напарника. Тебе походу жить надоело, а мне ещё нет.

– Тормознем их? За номера, – Кайл включает сигналку и берёт в руку передатчик громкоговорителя.

– Точно подам, – подтверждает Мигель, оглядываясь назад. «Форд» исчезает из виду за первым поворотом. Кайл уверен, эта тачка ещё появится у него на хвосте не сегодня, так завтра. В войну «Хантеров» и «Кобрас» он влез по самое не балуй.

Время позаботиться не только о себе, но и о безопасности близких. У дома тёти Хлои всегда кто-то есть, возле «Прихода» дежурят двое из пехоты «Хантеров» с правом открывать огонь на случай, если кто-то от Гарсии попытается снова её достать – хоть где-то всё более-менее стабильно. Осталось только аккуратно донести до Кали, что Гарсия больше не придёт к ней за деньгами, и что всё это теперь будет делаться через него, а для начала разобраться бы, с чего она вдруг психанула.

Звонок из «Логова» оживляет его упорно молчащий телефон (он не терял надежды, что Кали одумается) за полчаса до конца смены.

– Рита. – Одно короткое слово. Значит всё гораздо хуже, чем он может себе представить.

Коул больше ничего не говорит. На своё «что случилось?» Кайл снова слышит короткие гудки. Это уже начинает порядком подбешивать.

Мчась в «Логово» Кайл думает о тёте Хлое – её матери, женщине, которая стала матерью и им с братом. Если с Ритой что-то случится, она этого не переживёт.

Глава 3. Право на ошибку

Она сидит на диванчике в мягкой зоне – колени вместе, руки в замок, голова опущена, лицо... Лицо её, кажется, потеряло симметрию – с одной стороны лицо симпатичной, молодой девчонки, с другой – багрово-синее вздутое месиво кожи и крови. На руках – синяки, на коленях – ссадины, взгляд отсутствует. Кровоточащие губы и бровь наспех залеплены пластырем. Рита. Тонкая, звонкая, хрупкая, когда-то его Рита, а теперь просто девчонка с их района, которой здорово досталось. Кайл не чувствует ничего, кроме досады и злости на ублюдка, который сотворил такое с ней.

Едва он появляется на пороге, Рита, как пружина, подскакивает с места. Они сталкиваются взглядами, и Рита, виновато опустив глаза и ссутулив плечи, опадает на место. Да, она перед ним чертовски виновата по факту, но Кайла отчего-то интересует совсем другое.

– Гарсия?

– А кто ж? – злобно хмыкает брат. – Отыгрался на ней за нашу беседу, сучий выродок.

– В больнице были?

– Только оттуда. Никто её не насиловал, даже удивительно.

– Я же сказала! – тишину вспарывает громкий, истеричный выкрик Риты.

Безразлично. Словно снаружи взывает клаксон чужой тачки. Не глядя на неё, Коул продолжает:

– Она там была, у Рори, когда мы туда пришли.

– Он хотел посмотреть, как я трахаюсь с какой-то шлюхой. Я отказалась, – зачем-то поясняет Рита. Коул на её реплику только досадливо бровью ведёт. Он раздражен, держит язык за зубами одной силой воли, а так хочется просто попросить её заткнуться. Чтобы Кайл всего этого говна не слышал.

– А он взбесился, – заканчивает она, опустив голову. Кажется, всхлипывает.

Ничего не ёкает. Она где-то на периферии взгляда, сидит насупившись, смотрит на всех волком. Цвет её спутанных волос снова поменялся. Он побывал и синим, и розовым, и фиолетовым. Сейчас он темно-красный, под цвет её разбитых губ.

Кайл понимает, что его выводит из себя сам факт, а не то, что этот мерзкий случай произошёл конкретно с Ритой. Рита, что Нэнси, что Гейл, что очередная блондинка за барной стойкой – всё равно. Она с ними на одной ступени. Просто девушка, которая пострадала. А на их земле женщин не бьют.

– Завтра подожжём им штаб к ебням.

«Лас Кобрас» базируются в автомастерской «Диабло Нориа» к северу от начала пограничных территорий. К ней прилегает кусок земли размером с футбольное поле – на нём разбирают, утилизируют и продают тачки. Место глухое и чертовски неудобное для осады, там полно железного хлама, из-под которого легко можно вести прицельный огонь. Другой вопрос, будут ли они его открывать, ведь «Диабло» – едва ли не единственный легальный бизнес Гарсии, с которого он исправно платит налоги. А то, что тачки, которые они там перебирают и продают в большинстве своём угнанные, это дело десятое.

– Тебе нельзя светиться, – строго обрывает его Кайл. В связи с последними событиями Коулу лучше нос из «Логова» не высовывать вообще.

– Знаю. Я не поеду. Гай сам справится. Лео её завтра на перевязку отвезёт, – Коул небрежно кивает в сторону дивана. – Шэрил ей комнату подготовит.

– Я не хочу здесь ночевать и к матери тоже не хочу! – Рита снова верещит ультразвуком. Её голос, чужой уже голос, острым сверлом врежется в висок, отдаётся в голове нитью пульсирующей боли.

– Еве тогда позвони, – бросает ей Коул, безуспешно пытаясь поймать ускользающий смысл разговора с братом.

– Еве?! Да ладно! Я вчера только инсту её смотрела, она себе сиськи и нос сделала. У неё и время, и деньги есть на всякую херню, а на меня нет.

В её звенящем голосе слышится обида и злость. Зависть. Кайл помнит, как сильно её раздражало то, что Ева теперь богата, и как сильно Рита хотела стать такой же. Но вот таких Кристоферов на всех не хватает, а ему – патрульному копу – до него, как до звезды. Рита не изменилась, она всё ещё полна претензий.

У Коула коротко звякает мобильный. Он отвлекается от разговора, что-то набирает на экране. Кайлу тоже хочется достать телефон. Он словно один на один с Ритой остаётся – досадное ощущение, неприятное, когда вроде бы надо что-то сказать, а сказать нечего.

– Он ведёт себя так, будто меня тут нет! – Рита первой нарушает молчание, тычет пальцем в сторону Коула, зло дует и без того распухшие губы. Она вот-вот взорвётся, видно что глаза на мокром месте – и плакать, и орать хочет. Рита явно ещё не отошла. Или отошла слишком быстро. Кайлу по привычке хочется её оправдывать, да только это бессмысленно. И всегда было.

– Тебя и так тут считай, что нет, – огрызается Коул, не отрываясь от экрана.

– А это кто по-твоему сделал?! – Рита хватается со столика стакан и бросает его на пол. Стекло разлетается на мелкие, звенящие осколки. Парни, рассредоточенные по «Логову» и занятые своими делами, враз поднимают головы. Рита зло щурит незаплывший глаз. Она обозначила своё присутствие. Привлечь внимание ей удалось.

Проходящая мимо официантка останавливается, чтобы убрать осколки.

– Сама пусть убирает, иди, – жестом руки Коул отправляет официантку прочь. Он разворачивается, делает два больших шага назад, склоняется над Ритой, даром, что за шкирняк не берёт. По-братски так, в воспитательных целях. – Слушай сюда, debilка мелкая, я тебе не Кайл, он тебя из жалости терпит. А мне не жалко нхуя. Наигралась, блять, а я сопли подбирать тебе буду, да? – он не повышает голос, но слова приходят не в бровь, а в глаз. Рита скукоживается, как ёжик оборачивается в колючий комок. Кайлу и в самом деле жаль её, да только встречать почему-то не хочется. Уже не хочется. – Веди себя по-человечески, иначе нахуй вылетишь отсюда.

– Я сейчас уйду вообще, – Рита пытается хорохориться, но выходит дрянь. Глаза не поднимает, дрожит, боится, что Коул так и поступит, но гордости не теряет.

Где же была твоя гордость, когда ты ложила под Диего? Кайл отворачивается и медленно идёт к выходу. Надо бы проветриться.

– Ну и пиздуй, – соглашается Коул.

Тишина. Рита не спешит убежать, Коул не спешит выкидывать её за порог. Она им почти сестра, а родных не бросают в беде, каких бы дел они не наворотили. Семья есть семья. И лучше бы всё так и оставалось.

– Ночуешь здесь. Матери ничего не скажу. С Евой сама разберёшься, – Коул бесповоротно оставляет последнее слово за собой. Больше с этой дурной он глаз не спустит.

Часы показывают почти семь утра. Где-то на шоссе уже гудит пробка, пожилой китаец едет на велосипеде, за ним, высунув язык, мельтешит мелкая собака, у кого-то из прохожих в кармане приглушенно звенит телефонная трель. Ничего не изменилось, мир живёт, мир жил вчера и будет жить завтра, независимо от воли мелкого стада людишек. Независимо от их страстишек, планов, хотелок. И он, Кайл Хантер, будет жить дальше.

Кайл спускается, считая про себя ступеньки. Их всего четыре. Чёрная дверь, чёрная табличка с белыми буквами, фонари под потолком, которые забыли выключить. В голове пусто, и от этого почему-то хорошо. Грохает дверь. За спиной слышатся торопливые шаги. Кайл не спешит оборачиваться, будто чувствует, кто стоит за его спиной. Он слышит позади нервное

сопение, медленно идёт к машине, нажимает на брелок, слышит тихий писк сигналки и щелчок отпираемых замков, надеясь, что не услышит больше ничего.

– Кайл, прости меня, – Рита словно бьёт сзади, предательски, нечестно, так, как умеет только она. В её словах слышится искреннее раскаяние, но Кайл знает, что ему просто хочется, чтобы так было. – Ну, я идиотка. Совершенная идиотка, признаю. Я знаю, что поступила, как тварь. Я ошиблась. Диего, он не... – она замолкает, голос её дрожит, Рита подбирает слова, чтобы сделать ещё один тычок. Самый болезненный. – Он не ты.

Кайл оборачивается, смотрит на неё, нахмутив брови, удивлённо. Вспоминает все слова, что она бросала ему в лицо, когда собирала вещи. «Скучный». «Нудный». «Как куклу фарфоровую». А может, она всё-таки заслуживает шанса, может, жизнь, от которой он её так тщательно ограждал, всё-таки чему-то её научила? Сомнение, вспыхнувшее в нём буквально на секунду, прогорает без следа. Оно сменяется безразличием с толикой отвращения. Не после всего. Не после Гарсии. Никогда.

– Я... Кайл, я не хочу здесь оставаться, можно я вернусь домой? Пожалуйста. Прости меня. Я хочу вернуться, – в ответ на его молчание Рита начинает клянить, как маленькая. А ведь в марте ей должно исполниться двадцать. Рита застряла в своих тринадцати, в тех годах, когда она впервые начала делать ему недвусмысленные намёки. Она хотела его так, как хотят нарядное платье или куклу-принцессу. С детьми не трахаются. Кайл за свою ошибку поплатился, Гарсия за свою ответит.

– Кайл, я же извинилась! Скажи мне хоть слово, Кайл!

Рита срывается на истерику. У неё дрожат губы и руки, она в ужасе от того, что не получила желаемое – теперь Кайл читает её, как раскрытую книгу.

Надо бы что-то сказать, да язык встаёт во рту колом. Сколько раз он мусолил про себя слова, которые он скажет ей при встрече, а сейчас они потеряли смысл. Ему нечего ей сказать. Его отпустило. Окончательно и бесповоротно. Кайл едва приподнимает уголки губ в улыбке, но улыбается он скорее своим мыслям, чем ей. Он садится в машину, заводит мотор и выезжает с парковки на шоссе. Образ Риты скрывают клубы чёрного выхлопного дыма. Надо бы проверить фильтры.

Когда Кайл находит в почтовом ящике ключи и не находит дома её вещей, то понимает, Кали не просто взбрыкнула. Произошло что-то серьёзное.

Кайл был уверен, что дома его ждёт неприятный разговор на неизвестную ему тему. Он искал причины, перебирал все возможные косяки, которые предположительно успел натворить за эти пару дней. Не предложил подвезти до бара? Не позвонил вовремя? Забыл носки на диване? Не вымыл чашку? Каждая из этих причин казалась ему смешной и надуманной, да и Кали не была глупой истеричкой. Хотя, сколько они знакомы? Если так, то философия брата относительно женщин имеет смысл, и очередное разочарование не за горами... Кайл молчит, стоит посреди комнаты, ощущая себя последним тупицей. Обманутым и брошенным, как сопливая девчонка. Что-то важное упорно ускользает из внимания. Он прогоняет про себя события последних часов, пытаясь сложить произошедшее в какую-нибудь более или менее логичную последовательность. А может, это что-то из разряда «отлично провели время, будь здоров»? Кайл едко хмыкает. Что ж, и такое бывает.

Шум на лестничной площадке заставляет его прильнуть к глазку. За дверью тусуется сын соседа в компании друзей – безработных придурков, дармоедов на пособии, которым не интересно ничего, кроме крэка и рэпа. Кайл выходит из квартиры – гвалт и гогот прекращаются. Связываться с копом им не в прикол, даже если коп один, а их четверо.

– Ты почему не на работе? – сходу наезжает на него Кайл.

– Так она выгнала меня!

– То есть? Подробно. С самого начала.

– Ну, короче это. Ей кто-то позвонил, она орала матом в трубку, потом Гейл. Овца эта деньги у неё стырила, они подрались, короче. Я её держал, а она меня послала... Я ничего не сделал!

Этих сбивчивых объяснений Хантеру достаточно. Толпа расступается, когда он тараном прорывается к лестнице. Он мчит через ступеньку вниз, толкает дверь так, что та с грохотом встречается со стеной. В голове не задерживается ни одной чёткой мысли, сделанные выводы не стоят выеденного яйца, а причин становится слишком много, чтобы зацепиться хоть за одну. Ясно лишь то, что нужно срочно ехать в бар. У Кали проблемы. Всю дорогу его мучает странное предчувствие – эти проблемы могут быть связаны с ним.

– Кали уехала, – рассеянно пожимает плечами Нэнси, вытирая насухо последний стакан. Бар уже закрыт для посетителей, Нэнси, уставшая и подшофе, медленно и печально приводит стойку в порядок. – Взяла дедушкино распятие и повезла на барахолку. Телефон вот разбила. Наверное, продаст своего Иисуса и купит новый. Так символично, люди поменяли Бога на бабки, – она глупо хмыкает, проверяя стакан на свет. – Как бриллиант.

Нэнси вешает его над стойкой, но промахивается мимо крепления. Идеально вычищенный стакан вдребезги разбивается прямо у ног Кайла.

– Ой, – барменша давит пьяную, кривую улыбку и берётся за щётку. На лице безразличие, ей словно плевать, что все её труды пошли насмарку. Одним стаканом больше, одним меньше.

Машины Кали поблизости нет, в окнах свет не горит – наверное, ещё не вернулась. Она одна, без телефона. Беспокойство горит в груди так, что становится жарко, хотя на улице вполне терпимо для августовского утра. Хочется залить пожар ледяным пивом, но беспокоить Нэнси чревато ещё парой разбитых стаканов, она и так ни черта не соображает, да и за руль всё-таки. Идти больше некуда, бессмысленные метания по городу уже порядком достали, Кайл садится прямо на ступеньки у входа в бар и берётся за телефон, списывается с парнями, которые присматривают за баром, получает ответ, что всё тихо, она действительно в барахолке в трёх кварталах отсюда. Кайл запускает игрушки, листает новости, пытается время скоротать. Он дожждётся её во что бы то ни стало.

Кайл ничего не видит и не слышит, только чувствует, как воздух вокруг густеет от запаха пряных, резких духов и подожженной серы. Кто-то сзади чиркает спичкой раз-другой, видимо, безуспешно – следом слышатся ругательства на незнакомом ему языке, с чёткой, жёсткой «р» в рубленых фразах.

– Не очень-то ты парень похож на копа.

Огонёк вспыхивает и гаснет. Кайл оборачивается, задирает голову вверх. Крупная женщина в цветастой юбке, с пучком гладких, чёрных, но седых у корней волос, стоит к нему в пол-оборота, отчаянно воюя с мятым спичечным коробком с логотипом «Прихода». Она словно специально отворачивает от него лицо – пугать не хочет или отвращение вызвать – но Кайл и так знает это лицо. Раису знают все – слишком броские у неё приметы, да и занятие у неё такое. Специфическое. Контакты с полицией неизбежны.

– Проблемный ты, не добавляй ей ещё больше.

Раиса, эта хитрая, старая лисица, сутенерша с тридцатилетним стажем видит его насквозь. В её блеклых глазах не осталось ничего человеческого. Счётная машинка, переводящая похоть в денежный эквивалент. Это давно его не удивляет – оставшись человеком здесь почти невозможно выжить.

– Вы думаете, я хочу ей навредить?

– В том то и дело, что нет, – она, наконец, прикуривает и суёт сигарету в длинный чёрный муштук. – В наше время любовь дорого обходится. Она хуже пули. Быстро, метко и насмерть. А смерть это, знаешь ли, навсегда.

У таких, как она, своя философия. У таких, как она, жизнь, хоть и криво, но сложилась, им, таким, есть, что рассказать. На это всё можно кивать головой и соглашаться, а можно спорить до хрипоты, потому что надежда – тварь неубиваемая, особенно в его случае.

– Разве оно того не стоит?

– Ты сам себя погубишь. И её, – Раиса проплывает мимо него, шурша юбкой. Она оставляет после себя душный запах табака, оседающий в лёгких тяжёлым камнем. Её страшные слова вторят его сомнениям. Его прошлое, вся его нынешняя жизнь – одно сплошное «не связывайся», а он пошёл на поводу у желаний и совсем забыл об этом. Кали Рейес из другого мира, и если бы не долги, вряд ли они вообще бы сошлись. Но сейчас слишком поздно отступать. Насмерть и навсегда – пусть так. Она нужна ему. Он понимает это, как только машина Кали выворачивает из-за угла и замирает у входа.

Кали видит его сразу. Она не спешит выходить из машины, не смотрит на него, медленно тянет руку, чтобы выключить мотор, медленно выключает ходовые огни, музыку, что-то собирает с сиденья, а потом, словно что-то решив, резко вытаскивает ключ из замка зажигания. Быстрым движением Кали вытирает лицо под глазами, распахивает дверь и прыгает на землю с подножки. На лице у неё свежая царапина. Глаза у неё опухшие, мокрые, а от улыбки нет и следа – две складочки от носа до уголков губ углубились, будто это скорбное выражение лица приклеилось к ней, как маска, будто она никогда не умела улыбаться. Кали не спешит захлопывать дверь, когда Кайл вскакивает ей навстречу. Дверь эта, как баррикада, за которой легко прятаться и которая так чудовищно разделяет их.

– Кали, в чём дело? – он почти кричит. Нервы сдают. Кали не Рита, с Кали молчать невозможно. С ней нет ни капли равнодушия, ни грамма спокойствия, с ней всё внутри наизнанку выворачивается.

– Мне звонил Гарсия.

– Понятно, – выдыхает он, устало прикрывая глаза.

Правда настигла его самым пакостным образом. Надо было быть готовым к этому. Гарсия найдёт миллион и один способ подосрать, раз уж разговор по-мужски закончился не в его пользу. Сначала Рита, теперь Кали. Если он её хоть пальцем тронет...

– Значит, ты в банде? – глухо спрашивает она. В её голосе слышится страх. Она словно надеется услышать «нет», словно надеется услышать вранье, которое устроило бы их обоих. Но выворачиваться бессмысленно, они дошли до черты – либо перейти, либо остановиться. Кайл понимает, что у лжи нет будущего, придётся доставать язык из задницы и говорить. И надеяться, что Кали поймёт.

– Я в полиции. Теперь.

– Отлично, – зло припечатывает Кали, громко захлопывая дверь.

Но дело в том, что к таким разговорам нельзя быть готовым, лишь малодушно уповать на то, что правда не вылезет как можно дольше. Но правда вылезла. Как всегда – правда не любит долго сидеть в тени, как и закон подлости. Кайл крепко сжимает ладони в кулаки, едва затянувшаяся плёнка кожи на разбитых костяшках лопается снова. Всё это так блядски неправильно, так не вовремя, так ни к чему. От досады и злости хочется разбить кому-нибудь рожу, Кайл понимает, что заводится и так только пугает её ещё больше.

– И когда ты собирался мне об этом поведать?

– Никогда. Понимаешь? Никогда! – он срывается на крик и одним усилием воли заставляет себя вдохнуть, выдохнуть и сбавить тон. – Это не то, о чём хочется рассказывать, Кали. Ты мне про Малибу говорила, про мечты свои, а я что? Мне нечем гордиться и вспомнить нечего. Да, мой брат в банде, да я его покрываю, потому что он моя семья! Потому что я знаю, каково это, когда о колледже можно только мечтать, когда полдня таскаешь коробки на своём горбу, и тебе два доллара в час платят за это. Мы жрать хотели. Мы жить хотели. Ты сама видишь. У нас тут либо так, либо ты труп под мостом.

Он поздно понимает, что взгляд у неё плывёт не от злости, в глазах у неё стоят слёзы. Кали поднимает руку в попытке слёзы эти стереть, но одергивает себя, чтобы виду не подать. Как же хочется это чёртово тяжелейшее объяснение перемотать на конец, чтобы понять, что же там будет дальше. Кайл мечется, топчется на месте, дёргается, потому что рвануть вперёд, взять её за эту самую руку и утащить домой против её воли он не может.

– Мне не важно. Не важно, кем ты был, – она поднимает на него взгляд, непроницаемо-чёрный, по которому Кайл снова ничего не может прочесть. По её щекам скатываются две слезинки, Кали быстро смахивает их ребром ладони. Эти слезинки для него, как нож по горлу. Она плачет из-за него. За это самому себе хочется шею свернуть. – Ты солгал мне.

– О чём я должен был сказать?! О том, что я сын проститутки? Что мой брат кто-то вроде Гарсии? Или доказывать тебе, что «Хантеры» лучше «Кобрас», потому что у нас женщины под защитой? Не всё ли дерьмо одинаково?! Или тебе рассказать, что нас с братом зачали насильно? У матери просто денег на аборт не было, она надеялась, мы сами выкинемся. Или рассказать тебе интересную теорию о том, что трахаясь с двумя разными мужиками можно залететь от обоих? Говорят, поэтому мы с братом не похожи.

– О том, что ты собираешься за меня платить. Ты не должен.

Кайл чувствует, что у него дерёт горло от крика. Кали же спокойна, только глаза наливаются ещё сильнее, а лицо покрывается красными пятнами. Она не должна была слышать всё это, ей не надо всё это знать, она и так дерьма повидала, зачем ещё своё на неё вываливать? Кайл словно не жизнь свою ей пересказал, а выблевал перед ней из себя остатки зверского похмелья, от которого только сдохнуть.

Становится легче. Он сказал больше, чем собирался. Груз недосказанности рухнул с плеч, оставив мерзкое ощущение сквозной пустоты. Внутри больше не пылает, скорее холодит, будто он под её взглядом голый, а на улице холодная ночь и ветер с океана дует.

– Не должен, – Кайл приходит в себя, его голос приобретает былую уверенность и спокойствие. Он делает один маленький шаг навстречу к ней. Кали назад не отступает. – Но хочу. Сколько бы ты ни сопротивлялась, я не отступлюсь. Я уже всё решил для себя. Ты и брат – самое дорогое, что есть у меня. Я за вас жизнь отдам и это не пустые слова.

Крыть больше нечем. Он вывернул себя наизнанку, душу до самого дна перед ней раскрыл, теперь только ждать очередного тычка или обвинения, мол, мог да не захотел. Не мог. Не захотел. Хотел, как лучше, и пусть это самое «как лучше» для него и Кали звучит по-разному.

– Ты не заслуживаешь этого. Тех проблем, что пытаешься взвалить на себя...

Но, как ни странно, Кали его не обвиняет. Она его защищает, снова защищает от своих же проблем, будто всё, что он сказал, не имеет для неё смысла. Будто это ничего не изменило в её отношении к нему.

– Ты тоже. Но вместе лучше, чем по одному. Ты – моя семья, мы справимся, – он делает ещё один шаг вперёд. В глазах Кали больше нет ужаса, лишь мучительный выбор – верить или нет, дать или не дать второй шанс. Ведь она тоже это чувствует – он уверен, что чувствует – что ей так же, плохо без него, как и ему без неё. – Поехали домой, Кали.

Он протягивает ей руку.

– Расскажешь мне всё, – твёрдо заявляет она, вскинув подбородок. – Я хочу знать всё о тебе. Ты хочешь, чтобы я тебе доверяла, а сам?!

– Всё. Всё, что захочешь, – клянётся Кайл, глядя ей прямо в глаза. Больше никаких глупостей. Такую, как Кали, нельзя потерять.

Она протягивает ему руку в ответ. Они разговаривают весь день: она много спрашивает, Кайл много говорит, пожалуй, больше, чем за всю свою жизнь. Иногда Кали плачет, слушая очередной эпизод, который самому Кайлу кажется вполне обычным, иногда молчит и много думает. После она готовит ужин и варит кофе в полной тишине – у обоих уже мозоли на языках. Кайл понимает, что от этих разговоров устал не меньше, чем за смену.

– Я понимаю тебя, – говорит ему Кали за столом. Она легко касается его руки, а он не может поднять на неё взгляд, всё ещё чувствуя дикую вину за то, что ей пришлось пережить. За чёртов звонок Гарсии, за драку с Гейл, за все эти душещипательные истории, которые он давно похоронил глубоко в памяти и которые пришлось заново вытащить.

После ужина Кали трижды доказывает ему, что она поняла и приняла его таким, как есть.

– Собирайся.

Данэм возвращается затемно, ждёт у двери, когда она оденется.

Эйса спала, но ей хватает пары минут, чтобы натянуть на себя рубашку и шорты – единственные вещи, которые у неё оставались. От неё скоро пойдёт пар, надо бы поднять этот вопрос. Каждый раз, когда их с Данэмом пути пересекаются, она лишается даже пары трусов.

– Мне нужна одежда, – заявляет Эйса, пытаясь успеть за ним по лестнице и при этом не навернуться.

– Купим, – отмахивается от неё Данэм, ныряя в ночную темноту на выходе из парадной. Возле дома нет ни одного фонаря, улицу освещает только свет луны и бледные квадраты чужих окон, редкие, как прохожие в этот час в этой части города. Только самоубийца вылезет ночью на улицу в гетто. Или убийца. Глядя на Оливера Данэма, Эйса хмыкает своим весьма точным мыслям. Ходовые огни в машине Данэм не включает. По опустевшим улицам они добираются до завода минут за десять.

В импровизированной пыточной несёт кровью и испражнениями. Эйса морщится, борясь с желанием заткнуть нос. На улицах Синалоа часто стояла трупная вонь, Эйса успела от этого отвыкнуть, но изображать неженку у неё в планах нет. Данэм включает настольный фонарь. Ривера мысленно благодарит небо за то, что её желудок пуст, иначе вся её игра в невозмутимость пошла бы прахом.

Лара Кинг сидит к двери боком, на полу под ней виднеются борозды от ножек стула – светлые на чёрном, ровном слое запекшейся крови – наверное, пыталась вырваться или спятила от боли и дрыгалась, что, в принципе, неудивительно. Она раздета по пояс, на спине отсутствует часть кожи, с губ свисают кровавые лоскуты, кое-где на них ещё висят скрепки – наверное, безбожно орала, содрав крепёж. Одного глаза нет, второй не в фокусе, вокруг радужки сеть из лопнувших сосудов – наверняка Кинг им уже ни черта не видит. Данэм постарался на славу.

– Надеюсь, твои труды были не напрасны, – Эйса старается добавить в голос как можно больше небрежности – пусть думает, что её эта картина не задевает. Ривера не неженка и не слабачка, но ей отчего-то до дрожи не хочется на это смотреть. Снова. Как в том проклятом свинарнике.

Страшно. Страшно, что такое могут сделать и с ней. Страшно находиться рядом с человеком, которые делает такое с профессиональной дотошностью и знанием дела. То, что она с этим человеком трахается, совершенно не меняет сути. Члены картеля Франко не ходят на корпоративы – Эйса счастливо избежала возможности близкого личного общения с его профессиональными палачами. С ними встречаешься единожды за свою жизнь – когда они за этой самой жизнью приходят. В случае же с Данэмом судьба-злодейка здорово пошутила над ней, мол, на, любуйся, в стороне тебе не остаться. Просто закрыть глаза недостаточно для того, чтобы мир вокруг перестал существовать. Всему есть цена – Лара Кинг её заплатила. Эйса понимает, что однажды наступит и её черёд. И лучше, чтобы это была аневризма.

– Она назвала имя, – отзывается Оливер, сворачивая в узел мусорный пакет, полный ампул и шприцов. Видимо, он сделал всё, чтобы Кинг протянула, как можно дольше и заговорила, как можно быстрее.

– И?

– МакКормик.

Эйса в ответ лишь нетерпеливо дёргает плечами и гнёт бровь. Данэм уточняет:

– Я знаю только одного МакКормика. Он директор Управления по борьбе с наркотиками.

– Ха, какая ирония! – Эйса обнажает зубы в едком, злом оскале. Рыба гниёт с головы, Ривера поражается тому, как лихо она тогда, в разговоре с Беккетом, попала в яблочко, даже не целясь. Власти в этой чудной стране оборзели в конец. А ещё что-то про Мексику говорят. Эйса вдруг ощущает острый приступ патриотизма – везде, в любой стране мира власть прикрывает демократией элементарную жажду наживы, только мексиканцы не боятся смотреть правде в глаза...

– А мне кажется, вполне логично. Вот представь, ты работаешь в кондитерской. Неужели ты не попробуешь ни кусочка? – разговоры на околопищевую тему в такой обстановке ничего, кроме позыва проблеваться, вызвать не могут. Смрад дерьма и мочевины встаёт поперёк горла, когда она пытается сделать вдох. А Данэму всё нипочём.

Он достаёт из чехла видеокамеру, включает её, проверяет настройки.

– Я без штатива сегодня. Будешь снимать.

– Что снимать? – Эйса рассеянно принимает из его рук камеру, уже заранее зная ответ.

Данэм молча вынимает из чемоданчика нож с широким клинком. Тот самый. Ривера смотрит через объектив на цементный, запыленный пол со следами их подошв, на чёрные капли крови, похожие на следы мазута. Перед глазами встаёт лицо Шокера, его взгляд, полный страха, отчаяния и мольбы о скорейшем конце мучений. Она не успела его оплакать, как не успела оплакать ни одного из братьев. В картеле живут быстро.

– Помоги уж, будь другом, – насмешливый голос Оливера вытаскивает её из воспоминаний. Эйса понимает, что в последнее время слишком часто думает о смерти. Как бы не накликать.

– И как ты без меня обходился всё время? – фыркает она в ответ, наставляя камеру на Лару Кинг.

– Да вот даже не знаю, – в тон ей отвечает Данэм, становясь у Кинг за спиной. – Звук отключён, в настройках не копайся, меня в кадр не бери.

Смотреть сквозь прицел видеокамеры отчего-то проще, чем прямым взглядом. Оптика словно фильтрует картинку – легко представить, что просто смотришь фильм. Лишь звук – от него, увы, никуда не деться. Тонкий вскрик сквозь вхлам посаженные голосовые связки, хруст гортанной трубки, бульканье крови в горле, щелчок разрыва сочленения шейных позвонков. Глухой стук черепа о пол. Легко, как куриную тушку разделить. Ни топора, ни ножовки. Интересно как это делается?

Взяв голову Кинг за волосы, Данэм вносит её в кадр. Мышцы лица трупа ещё конвульсивно дёргаются. Эйса отводит взгляд.

– Чего застыла? В обморок собралась?

– Не дождёшься, – выплевывает Ривера в ответ.

– Нормально сняла?

– Нормально, – Эйса нажимает кнопку остановки записи только сейчас. Данэм кладёт голову Кинг на её же колени. Мерзко и забавно одновременно, Эйсе хочется смеяться – наверное, адреналином в голову долбануло.

– Помнится, ты о полезности как-то заикалась...

– Не думала, что настолько любишь свою работу, – трахаться среди грязи и крови, рядом с остывающим трупом? Слишком даже для такого, как Оливер Данэм.

– Не думал, что ты настолько озабоченная, – он скалится, качая головой. Данэм, не снимая перчаток, достаёт два плотных чёрных пакета, щипцы, молоток. – Надо избавиться от трупа. Моя рожа по местному тв гуляет, тебя они не знают. Здесь канал недалеко, сбросишь в трёх разных местах.

– Но Беккет...

– Беккет врал. Он сдал бы тебя мексиканским коллегам без всяких поблажек за участие в операции. Ты в ней не участвовала – официально ты всё ещё мертва. Франко сюда не сунется, его людей двигают за железку.

– Ясно. Дальше что?

– Дальше займёшься МакКормиком. Точнее его дочерью. Я выяснил, что она работает в госпитале «Милосердие», сегодня она в ночь. Попади к ней. Нужно выяснить, чем живёт, чем дышит, куда ходит, во сколько заканчивает работу, с кем спит, сколько раз ходит отлить...

– Кроме меня некого больше отправить? – широко расставив ноги и сложив руки на груди, Ривера встаёт в защитную позу. Если Данэм хочет заставить её работать, пусть поднимает цену.

– Видишь ли, я сильно ограничен в перемещениях, а местные парни не так хороши, как ты, – Данэм терпеливо и доходчиво объясняет ей ситуацию, красноречиво положив ладонь на опавшее плечо трупа. Он спокоен, собран и абсолютно беспристрастен. Он улыбается, но в глазах его плещется ртуть. Он всё решил и он заставит своё решение выполнить, Эйса в этом не сомневается. – И про должок не забывай. Я ведь вытащил, – его улыбка становится шире, он щурит глаза, трогая языком выступившие под верхней губой клыки. Эйсу на мгновение бросает в жар. – Или ты сомневаешься в своём профессионализме?

– Сделаю! – удар приходится чётко по самолюбию, и Ривера сдаёт позиции. Ответа «нет» он в любом случае не примет, спорить с ним и ножом в его руке чревато, а кто, кому и сколько должен, она посчитает позже. В груди начинает гореть, как то всегда бывает перед выходом на дело. Надо срочно начинать мозговать план. Эйса выходит на воздух подумать, когда Оливер заносит над головой Кинг молоток, чтобы выбить челюсть.

Глава 4. Момент истины

Эйса подгоняет машину к пожарному выходу, открывает багажник и быстро раскидывает внутри кусок полиэтилена. Оливер, оглядевшись, сбегает по ступеням, грузит в багажник три объёмных, тяжёлых мешка с останками Лары Кинг, захлопывает крышку. Кинг весила килограммов восемьдесят, как бы не надорваться. Эйса вспоминает, что не так давно тащила подальше от дороги труп Джо на своём горбу. Тогда она даже не ощутила усталости, справится и здесь, даром, что эти восемьдесят кило разделены на три пакета.

– Тачку брось подальше. Лучше у нигерских кварталов, там её быстро оприходуют, – напутствует Данэм, вручая ей пистолет, две обоймы и два тугих свёртка наличности на непредвиденный случай.

Эйса молча кивает, рассовывает обоймы по карманам, пистолет – за пояс, пачку кидает в бардачок. Когда она отворачивается, чтобы открыть дверь и сесть за руль, Данэм удерживает её за руку.

– Будь максимально собрана и осторожна.

У мексов она сойдёт за свою, с копами легче лёгкого разобраться при помощи денег, как, в общем, и с нигерами, если уж совсем не повезёт. Переживать особо не о чем, но Эйса видит в его глазах беспокойство. Или это просто игра света.

– Не первый год в деле, – хмыкает она, мягко освобождая руку. Данэм отпускает её, хлопнув на прощание по багажнику тачки. Когда Эйса бросает взгляд в зеркало заднего вида, Данэма уже нет.

Чёрная гладь воды виднеется сквозь редкие, хилые деревца запущенного парка, отделяющего канал от жилого квартала с одноэтажными домами-коробками. С другой стороны канала торчит уродливый забор, за которым раньше был промышленный комплекс. Сейчас же за этим забором высятся безжизненные серые коробки строений, окутанные дымом из закопченных бочек – комплекс давно обжит бездомными. Заросли густы, близко к воде не проехать, Эйса минут пятнадцать катается вдоль берега, выискивая место потише и посвободнее. Она ведёт машину задом до тех пор, пока колесо не упирается в бордюр – дальше уже бетонный, покрытый трещинами скат и вода.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.